

The book cover features a dramatic, painterly illustration. In the foreground, a woman with blonde hair stands on the left, holding an assault rifle. She is wearing a tactical vest and combat pants. To her right, a man in a green hooded jumpsuit is crouching, also holding an assault rifle. They are in a forested area with a stream. In the background, a large industrial facility, possibly a nuclear power plant, is visible with a tall cooling tower and various structures. The sky is dark and cloudy, creating a somber and dangerous atmosphere.

Дмитрий Силлов

ЗАКОН ЗОНЫ

Апокалипсис-СТ

Дмитрий Силлов

Закон Зоны

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Силлов Д. О.

Закон Зоны / Д. О. Силлов — «АСТ», 2016 — (Апокалипсис-СТ)

ISBN 978-5-17-098622-4

Он не помнит, как попал в Зону. Но Зона помнит о нем и всеми силами пытается уничтожить. Но он – Снайпер. И он идет к цели, несмотря ни на что. Его цель – Саркофаг, скрывающий в своих недрах ответы на все вопросы. Если только Снайпер доберется до цели и останется жив, ведь это еще никогда никому не удавалось...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-098622-4

© Силлов Д. О., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Дмитрий Силлов

Закон Зоны

Серия «СТАЛКЕР» основана в 2012 году

Издательство признательно Борису Натановичу Стругацкому за предоставленное разрешение использовать название серии «Сталкер», а также за идеи и образы, воплощенные в произведении «Пикник на обочине» и сценарии к кинофильму А. Тарковского «Сталкер».

Братья Стругацкие – уникальное явление в нашей культуре. Это целый мир, оказавший влияние не только на литературу и искусство в целом, но и на повседневную жизнь. Мы говорим словами героев произведений Стругацких, придуманные ими неологизмы и понятия живут уже своей отдельной жизнью подобно фольклору или бродячим сюжетам.

Автор искренне благодарит

Марию Сергееву, заведующую редакционно-издательской группой «Жанровая литература» издательства АСТ, и Вадима Чекунова, руководителя направления «Фантастика» редакционно-издательской группы «Жанровая литература» издательства АСТ за поддержку и продвижение проектов «СТАЛКЕР» и «КРЕМЛЬ 2222»;

Митенкова Андрея Федоровича, начальника отдельной группы радиационной разведки города Припять, «Рыжего леса», кровли 3-го энергоблока, с июля 1986 по март 1987 года выполнявшего особо опасные работы по локализации высокоактивных отходов в районе 3-го энергоблока и «Саркофага» и Митенкова Федора Михайловича, непосредственного участника ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС за помощь в работе над романом;

Олега «Фыф» Капитана, опытного сталкера-проводника по Зоне за ценные советы в процессе моей работы над романами литературных проектов «СТАЛКЕР» и «КРЕМЛЬ 2222»;

Павла Мороза, администратора сайтов www.sillov.ru и www.real-street-fighting.ru;

Алексея «Мастера» Липатова, администратора тематических групп социальной сети «ВКонтакте»;

Семена «Мрачного» Степанова, Сергея «Ион» Калининцева, Виталия «Винт» Лепестова, Сергея Настобурко и Вадима Панкова за помощь в развитии проекта «Снайпер»;

а также сертифицированного инженера Microsoft, выпускника MBA Kingston University UK Алексея Лагутенкова за квалифицированные консультации по техническим вопросам.

Глава первая

Закон долга

Неопознанные личности, задержанные в зоне влияния группировки «Борг» и не имеющие идентификационного штрих-кода, подлежат опознанию и идентификации в ближайшей комендатуре. Граждане Зоны, находящиеся на территории влияния «Борга», в обязательном порядке должны сообщать в комендатуру группировки обо всех подозрительных личностях и способствовать их задержанию для опознания и идентификации. Граждане Зоны, уклоняющиеся от выполнения данной статьи Закона, лишаются гражданских прав и подлежат ссылке на каторжные работы.

Закон долга, ст. 12, ч. 1

– И на хрена ты притащил сюда труп? Он же свежак, к ночи зомби будет. Немедленно выброси эту погань и не забудь отрубить голову.

– Я знаю, что делать со свежими трупами, Петрович. Но у тебя есть связи в комендатуре, а Закон долга...

– Плевать мне на Закон долга! Каждая группировка кивает на Закон долга и переиначивает его так, как ей выгодно. У меня свой закон, парень, и плевать мне на другие законы. Выкидывай его отсюда, говорю тебе, да побыстрее!

Голос того, кто не привык уважать законы, был дребезжащим и на редкость противным. Голос второго гудел ровно и монотонно.

– И лучше сразу в «ведьмин студень». Чтобы ни костей, ни следов. На хрена мне это дежавю? Было уже однажды, принесли соколика. Потом вся Зона кровью умылась и расширилась чуть не до Киева.

Я лежал на чем-то твердом. Это «что-то» неприятно давило на лопатки и затылок. Я попробовал сменить положение, и удалось это мне неважно – в затылке словно взорвалась граната. Я заорал. Во всяком случае, так мне показалось. На самом деле, наружу вырвался лишь слабый стон.

– Уже? Что-то рановато для новорожденного зомби.

Слева коротко лязгнул металл.

– Нервный ты стал, Петрович, – прогудел голос второго. – Не видишь что ли? Не зомби это. Человек.

– А мне один хрен... Чужой он. Первый раз его вижу. На Кордоне и без него чужих хватает, каждый день прут из-за периметра. Я в свое время Меча тоже не выбросил, пожалел – и вон чего получилось. Зона уже сюда добралась, никогда такого не было...

Я попытался открыть глаза. Удалось это не сразу, словно веки стянула твердая корка. В глаза брызнул свет. Я зажмурился, и против воли застонал снова.

Металл лязгнул снова, но тише. Потом по мне пробежали чьи-то ловкие пальцы.

– Небогатый улов, Странник, – продребезжал тот, кого называли Петровичем. – Выкидуха, два сухаря, сигареты... пять штук в пачке, часы китайские. От силы за все пятьдесят рублей. Идет? Или консервами-патронами возьмешь?

– Еще полтинник за утилизацию, если помрет, – прогудел Странник. – Или сам его тащи до «ведьмина студня».

– А ты хорошо освоился в Зоне, парень, – хмыкнул Петрович. – Принес задаром, а унес за деньги. Только хрен ты угадал. Мне его за двадцатку кто хочешь и куда хочешь оттащит. Бери

на семьдесят рублей консервов, своего недобитка – и до свидания. Конечно, если не надумал продать свой нож. Подумай, я тебе за него дам очень хорошую цену.

– Нож не продается. Смотрю вот я на тебя и все думаю: народ иногда тебя промеж собой Жмотпетровичем зовет. Случайно ли?..

– А поновее ничего не придумал? – перебил Странника тот, кого называли Петровичем. – Остряки-самоучки. Что б вы тут делали без меня?

Я не очень понимал, о чем говорят эти люди. Мне было важно открыть глаза. И я сделал это.

Глаза, похоже, уже привыкли к свету, как привык к раздирающей боли мозг в районе затылка. А еще я откуда-то знал, что стонать можно только тогда, когда точно знаешь, что рядом никого нет. Иначе будет очень и очень плохо.

Я сделал над собой усилие и, рывком приподнявшись на локте, попытался сесть. Меня качнуло, но в общем эксперимент удался.

Сидел я на подобии стола, грубо, но добротнo сколоченном из толстых шершавых досок. Пахло подвальной сыростью и чем-то слегка протухшим. Возможно, тухлятиной несло от толстого пожилого человека с маленькими поросычыми глазками на одутловатом лице. Толстяк сидел на дорогом кожаном вращающемся кресле, как-то не вяжущемся с окружающей обстановкой.

Обстановка сильно напоминала продуктовый склад, совмещенный с армейской оружейкой. Вдоль стен громоздились ящики с надписями на разных языках, означающих одно и то же – «Тушеное мясо», «Гранаты Ф-1, 20 штук», «Сухой паек», «Патроны. Калибр 7,62»...

Там еще много чего было понаписано на тех ящиках. На некоторых из них лежали стопки нераспакованных камуфляжных костюмов, усиленных бронепластинами, какие-то баллоны, картонные коробки...

А еще здесь было оружие. Автоматы, гранаты, винтовки, армейские ножи в чехлах и без. Какие-то явно бывшие в употреблении, со сбитым воронением и пятнами ржавчины. Другие новые, блестящие от заводской смазки.

Всё это великолепие стерегли два комплекта уродливых доспехов, сжимающие в руках новехонькие автоматы Калашникова. За круглыми наглазниками шлемов, защищенных светофильтрами, человеческих глаз видно не было, но я не сомневался, что внутри неподвижных армейских бронекостюмов находятся вполне подвижные люди. Хотя бы потому, что их оружие было направлено точно на меня и на светловолосого парня в застиранном и залатанном камуфляже, не в лучшую сторону отличающемся от новенькой униформы, разложенной на ящиках. Парень мрачно смотрел на меня, и в его взгляде ясно читалось недовольство тем фактом, что я когда-то появился на свет.

– Вот и ладушки, – обрадовался толстяк, поворачиваясь к своему столу, на котором стоял пожилой компьютер, и отбивая на клавиатуре веселую дробь. Столбик цифр на древнем толстозадом мониторе стал на одну строчку длиннее. – Тело очнулось, стало быть, утилизации не требуется, и до границы моего участка оно доползет само. А ты его за десятку проводишь. Правда ведь, Странник? – бросил толстяк через плечо.

Парень буркнул что-то невнятное, выбрал из ближайшего ящика пяток консервов без этикеток, побросал их в свой тощий рюкзак и направился к выходу. Блестящий от плохо вытертой смазки ствол в руках одного из охранников плавно сопровождал его движение. Все это время Странник находился на линии выстрела. Малейшее лишнее движение – и пуля в голову обеспечена.

– А тебе что, особое приглашение?

Я понял, что это относилось ко мне.

Сцепив зубы, чтобы не застонать, я сполз со стола и нетвердым шагом направился к толстой металлической двери. Ствол автомата, словно нос преданной собаки, проводил меня до

выхода. Краем глаза я заметил, что бронированный охранник неожиданно быстро сместился со своего места и захлопнул за мной тяжелую дверь. Изнутри прошуршали металлом о металл невидимые засовы.

Я вместе со своим провожатым оказался в небольшом коридоре, оканчивающемся ведущими вверх ступеньками. Вдоль сырых стен были свалены в кучу обломки ящиков, пустые консервные банки, какое-то тряпье. От куч мусора зловоние шло просто нестерпимое.

– Сука беспредельная, – отчетливо проговорил мой спутник, шагающий впереди. Его широкая камуфлированная спина, отягощенная рюкзаком, необъяснимым образом излучала крайнее недовольство. – Барыга хренов.

Сверху потянуло свежим воздухом. Странник непроизвольно ускорил шаг, слегка припадая на правую ногу. Я последовал его примеру. С каждой ступенькой, приближающей меня к спасительному свежему воздуху, боль в затылке становилась все менее ощутимой.

Наконец мы выбрались наверх.

За моей спиной что-то щелкнуло. Я обернулся.

Логово торговца снаружи выглядело как холм высотой в рост человека, теперь наглухо запечатанный еще одной стальной дверью. Не иначе, автоматической. Над дверью имелись две бойницы. Одна пошире, другая, над ней, поуже. В узкой бойнице заговорщически подмигивал глазок видеокамеры, защищенный бронированным стеклом. А из широкой недвусмысленно торчал ствол пулемета. Еле слышно зажужжали сервомоторы, и ствол плавно проехался туда-сюда, словно примериваясь, как бы половчее перечеркнуть наши фигуры огненным пунктиром.

– Пошли отсюда, парень, – буркнул Странник. – Гнилое место.

Я не стал возражать.

Место действительно было нездоровым. Позади логова Петровича вздымалась черная стена леса. Слева, похоже, было болото или заболоченное озерцо, судя по едва уловимому запаху стоялой тины и редкой поросли камышей. Оттого, наверно, в норе торговца и воняло сыростью.

Впереди же виднелись развалины. Когда-то это была деревня. Я знал, что из деревень люди часто сбегают в города в поисках работы, денег и развлечений. Так как ни того, ни другого, ни третьего не могут найти дома. Я так и сказал:

– Брошенная деревня.

– Точно, – буркнул мой провожатый. – Стало быть, говорить ты не разучился. Что мы еще помним?

Я задумался, стараясь не отставать от Странника.

– Жмотпетровича помню.

– Молодец, – хмыкнул Странник. Похоже, настроение у него немного улучшилось. – А это что?

Из кожаного чехла на поясе, который назывался, кажется, кобурой, он достал потертую штуковину, которых было навалом в норе торговца. Только те выглядели поновее.

– Плётка, – сказал я.

– Можно и так, – кивнул Странник. – А еще оно как называется?

– «ПМ», волына, ствол, пушка, «макар».

– Годится, – кивнул Странник, пряча «ПМ» обратно в кобуру. Он остановился и с сожалением посмотрел на меня.

– Еще что помнишь?

Я снова задумался.

– Понятно. Называется не ходите мальчики к Загоризонтной РЛС. Тебе еще свезло, причем два раза. Во-первых, живым вернулся, во-вторых не полным дауном. Только не пойму, почему у тебя с такими познаниями руки чистые, без наколок... Ну да ладно.

Странник достал из рюкзака банку консервов и маленький швейцарский нож.

– Держи, это тебе, – сказал он. – Как банки вскрывать помнишь?

Это я помнил. Я вообще хорошо помнил все, что касалось жратвы. Думаю, что банку Странника я бы вскрыл и без ножа. Потому, что от головной боли осталась лишь шишка на затылке, но вместо нее пришло болезненное чувство в желудке. Видимо, еще до возникновения шишки я не ел довольно давно.

– Хорошо, что хоть это не забыл, – кивнул Странник. – В Зоне почти вся жратва в банках. Та, что дешевая. А на дорогу ты пока не заработал. Теперь запомни. На дороге увидишь что-то подозрительное, типа марева или листочков, что по кругу летают, кинь туда какую-нибудь дрянь. Оно себя обозначит. Это аномалии, туда не суйся. Людей увидишь, особенно в камуфле или брониках – хоронись, или сваливай побыстрее. От машин и вертолетов – тем более. Найдешь чего интересного – тащи Петровичу или еще какому-нибудь барыге. Могут, конечно, пристрелить, но могут и пожрать дать. От зверей всяких тоже шугайся, и охотиться на них не вздумай. Они тут все зараженные, пожрешь мяска – и сдохнешь в мучениях. В общем так. Конечно, по-любому погибнешь ты здесь не сегодня-завтра, но некоторым полузомби, говорят, везло, поднимались они. Правда, я таких не встречал. Все, бывай парень, удачи.

Он повернулся ко мне спиной и пошел к развалинам. Я же занялся ножом. Один предмет – штопор – у него оказался сломанным, зато остальные были в исправности. Банку я вскрыл за несколько секунд. Примерно столько же мне потребовалось для того, чтобы проглотить не жуя половину ее содержимого – волокнистого мяса, перемешанного с жирным желе...

А потом я услышал выстрелы. И даже не успел удивиться тому, как быстро шлепнулся на землю. Но еще в полете я понял, что удаляющаяся фигура Странника упала быстрее меня.

И не на живот, а на спину.

Так падает человек, в которого ударила пуля.

Когда стреляют, надо сваливать. Это я и так знал, а Странник подтвердил. Тем более, когда тебе не из чего выстрелить в ответ. Петрович к себе не пустит, скорее дистанционно из пулемета свинцом угостит. По идее надо было бы ползти к лесу. Хрен какой дебил полезет в чащу на ночь глядя – это я тоже знал абсолютно точно.

Но почему-то мне казалось, что это будет неправильно.

И я пополз вперед, шустро виляя тазом и уже не особенно удивляясь тому, как ловко я умею ползать. Судя по словам Странника, совсем недавно у меня была другая жизнь, о которой я не помнил абсолютно ничего. Я очень смутно представлял себе, о какой такой Зоне, аномалиях и зверях толковал парень, который вместо утилизации меня в каком-то «ведьмином студне» подарил банку консервов. Но мне понравилось то, как лихо я вскрыл эту банку. А еще я знал, что если снять с предохранителя «ПМ» Странника, дослать патрон в патронник и, прицелившись, нажать на спусковой крючок, то у Петровича во лбу может появиться аккуратная дырочка с неаккуратным выходным отверстием в затылке. Конечно, для этого надо было как-то миновать пулемет, стальные двери и двух монстров в доспехах с автоматами в руках, но это было уже неважно.

Сейчас важно было доползти до Странника раньше, чем его найдут в густой траве те, чьи голоса слышались со стороны разрушенной деревни. Хорошо, что у них не было собак. Я не знал, как выглядят собаки, но я знал, что без них точно доползу до Странника раньше, чем его найдут люди, стрелявшие в него.

И я не ошибся.

Дела Странника были неважными. Прямо скажем, хреновые были у него дела. Выше ремня по его рубашке расползлось темное пятно, а в руках он держал «ПМ», норовя приставить его к голове. Это было сложно сделать, потому что на раздробленных кистях Странника оставалось в совокупности лишь два целых пальца. Еще один болтался на клочке кожи, но толку от него, понятное дело, не было никакого.

– Разрывными стреляли, падлы, – прохрипел Странник. – Помоги.

Я взял пистолет из его рук. Почему-то мне не хотелось, чтобы в голове этого человека появилась аккуратная дырочка. К тому же я осознавал, что звук выстрела привлечет тех, кто ищет Странника с гораздо большим азартом, чем целая свора собак. И участок травы, в котором мы прячемся, они немедленно скосят прицельными очередями.

Я выщелкнул из рукоятки магазин и пересчитал патроны. Потом вогнал его обратно и дослал патрон.

– Ты чего... делать собрался?

Я не ответил. Если тебе есть, чем ответить на выстрелы, – надо стрелять. Это я тоже знал абсолютно наверняка.

Их было трое. Я ясно видел их приближающиеся силуэты сквозь частые метелки травы. Они пытались идти цепью, прочесывая участок, но невольно с каждым шагом жались друг другу.

Им было страшно.

Они боялись надвигающейся темноты, боялись опасности, таящейся в ней, боялись того, в кого они только что стреляли. Они не знали, что он уже не сможет им ответить.

И они боялись не того, кого бы им следовало бояться.

Я выстрелил три раза почти не целясь. Я знал, что не промахнусь.

Три тела рухнули в траву не так, как падает человек, который хочет спрятаться.

– Ты чего наделал? Ты их убил?!

Вместо ответа я щелкнул предохранителем, спрятал пистолет в кобуру Странника и взялся за воротник его куртки. Нехорошо брать чужое оружие, пока жив его хозяин. Но ведь Странник просил помочь. И я помог как умел. А еще нехорошо оставлять в поле человека, который тащил тебя на себе несколькими часами раньше. Долги надо отдавать. Это Закон, что бы там не говорил Петрович.

– Не надо, – еле слышно сказал Странник, и я остановился. – Кранты мне... И тебе... Это же Охотники. Теперь будет рейд, хоть они и залезли на чужую территорию... Многие погибнут. Лучше сразу иди в комендатуру «Борга» и сдайся...

Я покачал головой. Сдаваться нехорошо.

– Там в кармане... обезболивающее.

Он кивнул на нагрудный карман своей камуфлы. Я открыл клапан. Ну конечно, шприц-тюбик с антибиотиком и наркотой. В который некоторые подмешивают «золотую» дозу. Чтобы, если будет совсем плохо, уйти весело и без боли.

Укол я сделал прямо через камуфлу, вогнав иглу чуть выше локтя. Судя по тому, как почти мгновенно расширились зрачки Странника, его шприц-тюбик был заряжен «золотом» под самую завязку.

– Надо же, троих! Тремя выстрелами из «макарова»! Далеко они были?

– Не очень, – сказал я. Слова давались мне с большим трудом, но невежливо молчать, когда с тобой говорит умирающий.

– Все равно круто. Ладно, снайпер, слушай сюда...

Он зашелся в кашле. Видимо, пуля задела легкое. Из разрыва камуфляжа в области живота показался край кишки, похожий на большого земляного червя. Я отвел взгляд, чтобы его не перехватил раненый и не посмотрел вниз.

– Оторвешь каблук у моего левого ботинка, – хрипло шептал Странник. – Найдешь Директора, отдашь ему... Все мое барахло возьми себе, пригодится... Главное – найди Директора, понял?

На его губах показалась кровь.

– Даешь слово?

– Даю, – сказал я. Сказал потому, что нельзя отказывать человеку, который собирается умереть.

– Хорошо, – прохрипел Странник. – А теперь быстро забирай мои манатки и вали отсюда... Охотники скоро очухаются и тогда тебе кранты. И не забудь... отрезать мне голову...

Это были его последние слова.

Я не очень понял, о каких Охотниках он говорил. Со стороны деревни вроде всё было тихо, и я точно знал, что трое, стрелявшие в Странника, мертвы. И если «Охотники» – это они и есть, то как могут «очухаться» трупы? Но после таких слов стоило их осмотреть – хотя бы потому, что автомат всегда лучше «макарова», и живому он всегда нужнее, чем мертвому.

Стоптаный каблук я оторвал при помощи ножа Странника. Нож был очень хороший, широкий и надежный, выполненный из голубоватой стали одной пластиной вместе с рукоятью. Потом рукоять запрессовали резиной, сформировав на ней кольцо для крепления к автомату и оставив на торце стальной хвостик с небольшим отверстием, типа для того, чтобы веревку привязывать. Я знал, что это не так. Вернее, не только для веревки, а чтоб при случае и череп той рукоятью проломить. Откуда знал? Вот бы узнать... Хотя сейчас это тоже было неважно.

Важнее было понять, о чем это Странник так беспокоился.

Полость, грубо вырезанную в его каблуке, заполнял прямоугольник из тусклого серого металла. Я подцепил его ножом и вытащил наружу.

Прямоугольник был очень тяжелым для своего размера. Теперь понятно, почему хозяин ботинка при жизни слегка прихрамывал. Поди потаскай такую штуку изо дня в день.

Я посмотрел на свои напрочь убитые ботинки, сравнил их с ботинками Странника, после чего недолго думая рукоятью ножа приколотил подошву на старое место и переобулся. Страннику ботинки все равно больше не понадобятся.

Размер подошел идеально, словно те ботинки на меня шили. Вот и ладно. Камуфлированная куртка Странника тоже пришлось кстати – у меня кроме футболки с короткими рукавами вообще ничего не было. Еще я вытащил из кобуры мертвеца пистолет и переложил его в карман куртки. Теперь можно. Особенно после того, как хозяин сам озвучил завещание.

Так. Теперь надо найти Директора. Хотя нет. Странник просил сначала отрезать ему голову. С чего бы это?

Через мгновение я понял с чего.

Глаза Странника открылись. Но это были уже не его глаза. Расширенные зрачки словно две черные опухоли расползлись по глазным яблокам, разрывая ткани белка и превращая их в кровавое месиво.

Странник медленно поднял голову. По его небритой щеке, цепляясь за волоски щетины, скатилась кровавая слеза. А искалеченная рука уже неуверенно, но настойчиво рылась в кобуре, отыскивая оружие, которое лежало в кармане теперь уже моей куртки.

У Странника был очень хороший нож. Я взял ожившего мертвеца за волосы и, казалось, только успел приставить лезвие к его горлу. Дальше все произошло само. Клинок словно живой шевельнулся в руке, и я от неожиданности чуть не выронил голову, отделенную от туловища практически без каких-либо усилий с моей стороны.

Обезглавленное туловище дернулось раз-другой и затихло, как и положено покойнику. Я точно знал, что мертвому человеку не положено двигаться, а уж стрелять – тем более. Однако сейчас по этому поводу меня одолевали сильные сомнения.

Сомневался я, катясь в траве словно веретено. А надо мной свистели пули.

Трое Охотников с аккуратными дырками во лбах бестолково ворочали головами и стреляли во все стороны, порой попадая в стоящих рядом товарищей. Разрывная пуля разнесла в щепки цевье автомата одного из них, и тот глухо заворчал, в недоумении разглядывая свои пустые руки и тряся хвостиком на затылке, слепленным из волос, крови и свежих мозгов.

Ожившие Охотники были менее опасны, чем живые, но все же автоматы в их руках оставались оружием, предназначенным для убийства. И попадать под разрывную пулю в мои планы не входило. Как бы тогда я выполнил последнюю просьбу Странника?

Я шлепнулся в какую-то канаву и пополз вперед. Беспорядочная стрельба одиночными осталась сначала справа, потом сзади. Тогда я не таясь поднялся в полный рост и побежал, сжимая в руке нож Странника.

Охотники продолжали палить по тому месту, куда упал Странник, одновременно приближаясь к нему рваной походкой паралитиков. Я знал, что они не услышат меня за грохотом выстрелов, поэтому спокойно подошел к крайнему слева и одним движением отсек ему голову.

Некоторое время Охотник продолжал идти вперед, потом мешком повалился в траву. С остальными я управился точно так же. У Странника был отличный нож. Не зря Петрович предлагал за него хорошую цену.

У Охотников ножи были не в пример хуже, поэтому они меня не заинтересовали. Из двух целых автоматов я выбрал тот, что поновее. Также я собрал все магазины из подсумков. Я точно знал – для того, чтобы автомат плевался смертью, его надо кормить цилиндрами с острой головой.

В карманах мертвецов было много всякой непонятной дряни – пачки с бумажными палочками, набитыми трухой, конверты с резиновыми кольцами, раскатывающимися в непрочные мешочки, бумажки с нарисованной на ней отрезанной головой...

Бумажки мне понравились. Они были разноцветными и приятно шуршали в руках. Я сунул их в карман. Потом подумал – и полностью переоделся в камуфляж, оставив себе только ботинки и куртку Странника. Верхняя одежда обезглавленных трупов была поновее ношеной куртки, но уж больно сильно залита кровью. Еще я забрал у Охотников консервы, колбасу, хлеб и фляги с водой. Мне показалось странным, что я точно знаю, что делать с оружием, колбасой и флягами, и в то же время совершенно не представляю, для чего нужны остальные предметы. Которые, судя по всему, тоже были необходимы мертвецам, когда они были живыми.

Обо всем этом я думал, пока ел. Когда еды осталось примерно половина, а я почувствовал, что она меня больше не интересует, я сложил оставшиеся консервы и объедки в мешок и направился к деревне. После еды мне очень захотелось спать, но спать в открытом поле опасно. В нескольких шагах от меня на отрезанную голову Охотника приземлилась большая черная птица и деловито выклевала глаз из глазницы. Мне показалось, что голова дернулась от боли. Но наверно я ошибся. Скорее всего, голову просто толкнула птица.

Я подумал, что если я лягу спать прямо здесь, птица может принять меня по ошибке за труп, и, решив не рисковать, направился к деревне.

Селение было сильно разрушено временем и взрывами. Некоторые дома обветшали сами собой, и вросли в землю до слепых окон с разбитыми осколками стекол в рамах. Другие разметали то ли гранаты, то ли снаряды, оставив на месте человеческих жилищ лишь посеченные осколками кирпичные печи.

Подойдя ближе я увидел, что уцелевшие бревенчатые стены словно ходами жуков-древоточцев сплошь изъедены пулевыми отверстиями. В этом месте воевали часто и увлеченно.

Однако сейчас вокруг было тихо. Спать хотелось нестерпимо. Я уже спотыкался на ходу и готов был, бросив прямо на землю рюкзак и автомат, упасть рядом с ними и заснуть прямо на месте. Но я все-таки заставил себя найти более-менее сохранившийся одноэтажный дом и войти внутрь.

Внутри дома было очень много мусора, но я расчистил себе свободное местечко, вышвырнув в окно дочиста обглоданные кем-то остатки человеческого скелета, лежащие на ржавом пулемете. Пулемет отправился вслед за хозяином.

Распинав ногами по углам пустые консервные банки, гильзы и кучки засохшего дерьма, я свернулся калачиком прямо на полу и мгновенно уснул.

* * *

– Вот он, тот козел, который завалил Странника и троих Охотников, упокой их Зона.

– Точно, он самый. Дрыхнет, сука, и никуда себе не дует. Стреляй, чего ждешь?

– Да пули на него жалко.

Слова прозвучали прямо над моей головой. А потом в ней взорвался снап кровавых искр.

Меня крутануло по полу, словно тряпку. Глаза не успели открыться, но одна моя рука, словно существо, живущее отдельно от меня, уже шарилась по полу в поисках автомата, а другая выдернула из-за пазухи пистолет Странника.

– Хоронись, Моздырь, у него ствол!

Жаль, что я не успел открыть глаза. Да и трудно это было сделать спросонья, особенно после удара в лицо чем-то тяжелым – скорее всего, армейским ботинком. Я выстрелил на звук, но в следующее мгновение меня сильно долбанули по руке. Как раз в эту секунду я наконец разлепил глаза. И в них плотно запечатлелась картинка – крупный мужик в спортивном костюме и зеленой армейской бандане с кровавой бороздой на щеке от моей пули, целящийся в меня из двустволки, и занесенная надо мной подошва кирзового сапога.

Потом картинка схлопнулась одновременно со вторым ударом ногой в лицо.

– Мочи козла!

На меня обрушилось еще несколько ощутимых ударов. Один из них опять пришелся в лицо, и перед глазами у меня заплескали красные круги. Наверно, меня били бы дольше, но со стороны дверного проема, давно лишенного двери, прозвучал решительный голос:

– А-атставить мочить козла!

– С какого хрена, Майор, он же...

– Я сказал а-атставить! Точка.

Больше меня не били. Две пары ног отошли в сторону, и ко мне приблизилась третья.

Послышался звук отвинчиваемой крышки армейской фляги, и мне на лицо пролилась струйка жидкости.

Я фыркнул и закашлялся – вода попала в гортань. Кашель отозвался болью в ребрах, но я точно знал, что ничего не сломано. Только синяки останутся. Те двое не умели бить лежащего по-настоящему – с напряженной стопой и зафиксированным коленом.

И снова я удивился глубине своих познаний, о которых до этого не подозревал. Определенно у меня была прошлая жизнь, о которой я ничего не помнил! Теперь, помимо выполнения воли умирающего Странника, у меня появилась вторая задача – выяснить, кто я, и кем был до того, как все забыл.

– Кто ты?

Это я бы и сам хотел узнать. Но говорить было пока трудно. Я знал, как произносятся слова, но, думаю, я давно их не говорил. Поэтому я просто разлепил склеенные кровью глаза и помотал головой.

– Не помнишь?

– Нет, – выдавил я из себя. Надо было учиться говорить заново.

– Как тебя зовут, помнишь?

Возможно, это мое имя назвал Странник, когда я превратил его убийц в живые трупы.

– Снайпер, – ответил я.

– Не знаю такого, – качнул головой мой собеседник. И задумался.

Был он широк в плечах, мясист, горбонос, и основателен с виду. На погонах его черномалинового комбинезона красовались большие звезды, вышитые вручную красной ниткой. Автоматно-гранатометный комплекс «Гроза» с подствольником и ночным прицелом в его руке

казался несерьезным и бесполезным нагромождением металла. Сжатый кулак другой руки производил гораздо более сильное впечатление.

– Это «Гроза»? – спросил я.

– Что? – не понял тот, кого назвали Майором.

– Это «Гроза»? – повторил я, указывая на оружие.

– Она самая, – сказал Майор. Потом вдруг присел на корточки и, оттянув вверх мое левое веко, взгляделся в мой глаз, словно собирался его выклевать.

– Ясно, – сказал он через пару секунд, принимая прежнее положение и поворачиваясь к тем, кто собирался меня «мочить». – Это точно он завалил троих из «макара»?

– Всех точно в лоб, – мрачно кивнул тот, что был в бандане. – Как по линейке дырку отмерил. А потом им ножом бошки состриг, будто грибы по осени. Так что мы в своем праве.

– На территории «Борга» работают только законы «Борга», – веско сказал Майор. – А ваши права стоят примерно столько.

Он плюнул в угол.

Двое молчали. Поскольку на голове одного из них имелась темно-зеленая повязка, я про себя окрестил его «Банданой», удивившись тому, что я знал такое мудрёное слово. Удивившись вторично, я назвал «Адидасом» второго в темно-синем спортивном костюме с тремя полосками на штанинах.

– Этим бошки состриг? – кивнул Майор на нож Странника, уже болтающийся на поясе «Адидаса».

– Этим, – проворчал тот.

– Похоже, отвоевались вы, пацаны.

«Пацаны» растерянно переглянулись, потом оба уставились на «Грозу» Майора, пока что безвольно болтающуюся у него в руке стволом вниз.

– Я не о том, – угрюмо хмыкнул Майор. – Группировке «Борг» вы по барабану, пока на нашей территории беспредельничать не начнете. Но, похоже, ОСНГ решили задействовать Зону в интересах своих государств. Слухи об этом давно ходят. А это, – он кивнул на меня, – первая ласточка.

– По-возможности поясни, Майор, – буркнул «Адидас». – Ни фиги не понятно.

– Комендант тебе пояснит, – хмыкнул Майор. – За нарушение двенадцатой статьи Закона в курсе что бывает?

«Адидас» побледнел. У того, что в бандане, затряслись губы. Сейчас они оба были похожи на нашкодивших детей, которых суровый папа собирался отправить в угол. Да только угол тот для великовозрастных шалунов был, похоже, страшнее смерти.

– Слушай, командир, может договоримся? – с надеждой спросил «Адидас».

– Может и договоримся, – великодушно хмыкнул Майор. – Сейчас вы оба идете со мной в комендатуру и записываетесь в «Борг». Хорош бандюковать по Зоне. Согласны?

Бандиты наперебой закивали.

– Вот и ладушки, – сказал Майор. – С солдатами «Борга» я обязан делиться информацией, которую они должны знать. В том числе и с новобранцами. Так вот, Объединенные силы независимых государств давно планировали превратить Зону в зону для особо опасных преступников. Справиться с Зоной вояки не могут уже черт-те знает сколько времени, так почему бы не использовать ее как зону с маленькой буквы? Преступникам дается шанс все начать с чистого листа. Им избирательно стирают память и сбрасывают в Зону, чем и объясняется двенадцатая статья Закона. А задача «Борга» приставить их к делу.

– Артефакты для вашей группировки собирать? – поинтересовался «Адидас».

– Разговорчики, солдат! – рявкнул Майор. – Если понадобится, завтра после присяги ты как раз и пойдешь собирать артефакты. И задницей в «жару» сядешь, если я прикажу. А теперь разрядить оружие и вернуть Снайперу.

– Есть оружие Снайпера разрядить! – вновь подал голос «Адидас». Он, похоже, среди двоих бывших бандитов был самый смелый. Его напарник предпочитал помалкивать.

– И свое тоже, – сказал Майор, приподнимая ствол «Грозы» на уровень груди «Адидаса». – Патроны сдашь мне.

– Нет вопросов, командир.

«Адидас» поспешил засвидетельствовать лояльность новому руководству и через пару минут боезапас Майора пополнился семью магазинами для АКС, десятком патронов для двустволки и двумя пистолетными магазинами. Проводив взглядом нож, с кислой миной возвращаемый мне «Адидасом», Майор сказал:

– Хороший нож. Легендарный. Из большого артефакта «Бритва» откован. «Бритва» такой величины в Зоне встречалась лишь однажды, а сковать две «Бритвы» вместе еще никому не удавалось. Продашь? Пятьсот рублей прям сейчас даю.

Я сделал вид, что эти слова ко мне не относятся. Я был занят – плевал на кусок тряпки, найденный в кармане моей куртки, и оттирал лицо от своей и чужой крови.

– Ладно, – сказал Майор. – Как хочешь, дело твое. Береги нож, а то сопрут ненароком. Или грохнут. В Зоне за меньшее убивают. Короче, базар окончен. Давайте вперед на выход.

Похоже, Майор не особо доверял своим новообращенным бойцам, поэтому я вместе с бывшими бандитами вынужден был шагать впереди, не сомневаясь, что «Гроза» в руках офицера «Борга» в любой момент готова вклепить мне порцию свинца между лопаток.

Наверняка то же ощущение преследовало и бывших бандитов. «Адидас» обернулся и попытался восстановить статус-кво.

– Слушай, Майор, ну не дело это. Не ходят по Зоне с разряженными стволами. Вдруг нечисть какая покажется?

– Еще как ходят, – заверил Майор. – Вот вы сейчас, например, идете – и ничего. А нечисть появится – падайте на землю, ее я беру на себя. Ты молчи лучше, а то сглазишь.

Мы отошли от деревни меньше чем на полкилометра. Впереди еще примерно на столько же простиралось поле, заросшее высокой травой. За полем снова начинался лес. Неяркое солнце приятно грело макушку. Благодать да и только. И не скажешь, что в этих местах водятся ходячие мертвецы.

Майор иногда покрикивал «левее»-«правее», ведя нас по одному ему ведомому пути – никакой дороги, даже тропинки под ногами решительно не угадывалось.

– Писец какой-то, – проворчал «Адидас». – Ведет как бычков на бойню.

– Так оно и есть, – отозвался его товарищ. – Я слышал, что из рейдов «Борга» от силы половина личного состава возвращается. Они же одни против всех. Потому им постоянно свежие силы требуются. А чуть что не так, по их долбанутым законам людей тупо к стенке ставят, без суда и следствия.

– Ррразговорчики в строю, – весело рыкнул Майор.

– Слышь, дядя, – обернулся к нему «Адидас», играя желваками, – мы пока что...

И вдруг взвизгнул истошно:

– Сзади!

Майор ухмыльнулся.

– Ты меня на испуг не бери, салабон. Таких как ты, чтоб меня напугать, дивизию нужно. Проговаривая это, Майор на всякий случай шагнул в сторону, чтобы видеть одновременно и нас и то, что возможно приближалось сзади.

Однако сделал он это недостаточно быстро.

Сзади на него катился огромный студенистый шар, сквозь который просвечивала лента примятой им травы. Я ясно видел, что трава не просто была придавлена к земле весом шара. Травинки корчились, словно живые, и медленно растворялись, превращаясь в полужидкую грязно-зеленую массу.

Рефлексы сработали раньше, чем я успел осознать опасность. Мои ноги толкнули тело вправо и в полете я успел увидеть, как Майор долбанул по шару из гранатомета, а потом прошил его очередью крест-накрест. Однако это не остановило движения его желеобразного противника. Шар накатился на человека и подмял его под себя. Последнее, что я увидел, было проваливающееся в студень ухмыляющееся лицо Майора с кольцом от ручной гранаты в зубах.

Я прыгнул снова, уходя в кувырок.

Гранаты в руке и в подсымке Майора рванули почти одновременно. Взрывной волной меня ощутимо толкнуло в спину. Прокатившись по инерции пару метров на манер только что увиденного студенистого шара, я вскочил на ноги и выдернул из чехла нож. Автомат я бросил еще при первом прыжке – бесполезный груз без патронов, особенно если придется убегать со всех ног.

Убегать не пришлось. Всё было кончено.

Я вложил нож в ножны и вернулся. Не для того, чтобы посмотреть на то, что осталось от бравого «борговца» и глыбы студня. Мне нужно было подобрать автомат и пошарить по карманам Майора – если, конечно, после взрыва остались карманы.

Карманы остались, и в них уже копался «Адидас». При моем приближении он нехорошо ощерился и дослал патрон в патронник автомата. Видимо, он уже нашел, чем накормить свое оружие.

– Вали отсюда, придурок, – процедил он сквозь зубы. – Это мой хабар!

С этим трудно было не согласиться. Я слишком далеко отпрыгнул вместо того, чтобы спрятаться от разлетающихся осколков за телом одного из своих спутников, как это сделал «Адидас». Сейчас второй бандит валялся в траве с широко открытыми от удивления глазами, а по его зеленой бандане расплзалось темно-красное пятно.

Я знал, что «Адидас» прав – кто первый завладел хабаром, тот и есть его хозяин, – но мне стало интересно. Взрывы разорвали студенистый шар на несколько частей, и сейчас каждая из них, пульсируя и сокращаясь, ползала по траве. Жуткое зрелище, хотя и завораживающее. Так же, как и то ли измочаленный осколками, то ли наполовину переваренный труп Майора. От него осталось немного – голова и кусок туловища. На его чудом сохранившемся лице застыла улыбка. А изо рта все еще торчало кольцо от гранаты, застрявшее в раскрошившихся зубах.

– Чего уставился? – проворчал «Адидас». – Сказано тебе – вали пока цел.

– Что это было? – спросил я.

– «Перекасти-поле». То ли аномалия, то ли мутант, не разберешь. Некоторые думают, что это по новой мутировавшее квазимясо. Появились у Болот два выброса назад. Зона плодит уродов взамен сдохших. И каждый раз все более жутких и живучих. Не каждое «перекасти-поле» удастся разнести парой гранат. Разве только самому в него залезть да подорваться как наш Майор, упокой его Зона.

– Эволюция, – сказал я.

– Че-го? – опешил «Адидас». – Это кто?

Я не знал что ответить. Слово пришло в голову само, и что оно значит, я тоже не знал. Но был уверен, что попал в точку.

– В общем так, дебил.

«Адидас» поднялся с колен и вытер руки о штаны. Я отметил, что на его штанах остались зеленовато-розовые разводы.

– Я тебе раз сказал, чтобы ты валил? Ты не внял. Ты захотел получить информацию. И получил ее. Так что не обессудь, в Зоне всё имеет свою цену. Гони мне свой нож за время, которое я потратил на тебя, и топай отсюда, пока я тебя не пристрелил.

– Ты не сможешь, – покачал я головой.

– Что не смогу? Нож говорю гони!

– Ты не сможешь... пристрелить, – сказал я, глазами показывая на его руки, сжимающие автомат.

Видимо, у «перекати-поля» был гуманный желудочный сок. Поэтому Майор до сих пор продолжал улыбаться, хотя его лицо уже понемногу стекало по костям черепа вниз. Как и пальцы «Адидаса», которыми он уже никак не мог нажать на спусковой крючок.

– Эволюция, – повторил я. – Это наверно, чтобы другие... мутанты или люди не чувствовали боли вот этим...

Я положил пальцы на лоб. Слова мне еще плохо давались, и не все я мог ими объяснить.

– И не убегали... когда их едят... – добавил я.

Но «Адидас» меня понял и без этого. Он с ужасом смотрел на свои руки и на то, как стекает с фаланг пальцев его растворенная плоть. Зря он, конечно, полез голыми руками в карманы Майора. Откуда-то я знал, что жадность до добра не доводит.

«Адидас» завыл. Тонко и протяжно.

Это могло привлечь новых мутантов. Или людей. И неизвестно еще что хуже. Поэтому мне ничего не оставалось, как вытащить нож и полоснуть им по горлу «Адидаса». Ему же лучше – все равно ведь жить без рук наверняка очень неудобно.

Автомат «Адидаса», магазины к АКС, пистолет, патроны к нему, а также непереваренные «перекати-полем» консервы я аккуратно обтер карманом, оторванным от куртки «Банданы». По клочкам материи, оставшимся от камуфляжа Майора, было видно – когда шар был жив, его интересовала только органика. Впрочем, она его интересовала и после смерти. Один из полупрозрачных кусков напоз на шею «Адидаса» и принялся словно губка впитывать кровь. К нему шустро стали подтягиваться остальные. Вот один из них подполз поближе – и с неприятным чавканьем воссоединился с трапезничающим собратом. Следом еще один. И еще.

Я понял, что через несколько минут мне придется иметь дело с новым «перекати-полем». А гранат-то у меня не было. Поэтому, наскоро подобрав то, что еще можно было подобрать, я поспешил убратся из этого беспокойного места. Последнее, что я увидел оглянувшись, – это был солидный кусок студня, напозающий на ноги ожившего «Банданы», который, смотря прямо перед собой черно-кровавыми глазами, дергался, снова и снова пытаюсь встать, чтобы дотянуться до искореженной взрывом «Грозы» Майора.

* * *

Нож Странника можно было носить не только на поясе. Два ремешка, скрытые в специальном кармашке, позволяли пристегнуть ножны к руке. Что я и сделал – уж слишком большой интерес вызвала «Бритва» у тех, кто ее видел. После чего надел куртку. Конечно, достать нож, не повредив рукав, стало проблематично, но в случае чего и фиг бы с ним с рукавом. Куртка, как подсказывал опыт, в Зоне дело наживное...

Они расположились на самой кромке леса. Грамотно расположились. От стены деревьев их отделял искореженный взрывом ржавый БТР, впритык к которому они отрыли полнопрофильный окоп с приземистым бруствером. Четыре ствола перекрывали сектор на девяносто градусов, а ближайшие сто метров до бруствера были свободны от травы. То ли скосили, то ли «перекати-поле» пустили покататься. Во всяком случае незаметно к ним не подобраться. Да мне это и не надо.

Мне нужны были люди. Люди – это еда и патроны. И неважно, как ты их добудешь – в обмен на что-то, или заберешь даром у мертвых. На что менять необходимые мне вещи, я представлял слабо. А даром у них вряд ли что возьмешь – уж больно хорошо они окопались. Даже спираль «егозы» по верху БТРа пустили, чтоб сверху на них никто не спрыгнул. Но люди – это жизнь. Независимо от того, хорошо или плохо они окопались. И поэтому я шел прямо на них.

Судя по движению двух стволов, заметили они меня давно. Но пока не стреляли. Это было хорошо. Значит, хотят поговорить. Что ж, поговорим. Вроде как последние произнесенные мною слова дались мне почти без усилий.

– Стой!

Я остановился на границе выжженной земли. Все-таки не коса и не «перекати-поле». Огнеметом прошлись.

– Кто такой?

Голос был жутко противный, будто тупым ножом по ржавому боку БТРа провели. Я молчал. Мне самому очень хотелось бы узнать ответ на вопрос, заданный на редкость мерзким голосом.

– Какая группировка?

Это было совсем непонятно.

– На зомби вроде не похож. Немой что ли? – вполголоса предположил другой голос, не намного приятнее первого. – Имя хотя бы у тебя есть?

С этим было проще.

– Снайпер, – сказал я.

– Ишь ты, крутое погоняло, – раскатисто хохотнул третий голос. – И чего я до такого не додумался?

– Это потому, Угол, что ты не головой, а другим местом мыслишь, – скрипуче пояснил тот голос, который первым меня окликнул. – Ладно, Снайпер. От автомата магазин отсоедини, затвор передерни – и ходи сюда.

Я повиновался. Патрон, вылетев, упал на землю. Я подобрал его, вставил в магазин, после чего сунул тот магазин в специальный чехол на камуфлированной штанине. Не очень удобно, когда сидишь, зато выдернуть – секунда времени.

– Вот, учись, Угол, как надо патроны беречь, – наставительно продолжил голос.

– А ты меня еще полечи куда бабе хрен совать, – огрызнулся тот, кого называли Углом.

– И полечу, коли надо будет. Еще спасибо скажешь. Потому, как твоя скудная фантазия на эту тему может предложить крайне ограниченный набор действий.

– Ладно, базар окончен, – грубо прервал дискуссию еще один голос. Принадлежал он небритой копии Майора, которая высунулась из-за бруствера. Копия прищурилась, отчего стала похожа на задумчивого бульдога и, оглядев меня с головы до ног, качнула головой.

– Перелезай.

Я перелез через брустер и, скользя на спине по утрамбованной земле, съехал в траншею, отрытую в полный рост. Через мгновение я был обезоружен, по моим карманам прошлась ладонь величиной с лопату, после чего меня прижали лопатками к брустеру и оттянули веко. Копия Майора, как и ее оригинал, недолго занималась исследованием моего глаза.

– Блаженный, – констатировала копия.

Габаритный мужик в черной униформе с красными вставками на груди, наверное, вряд ли приходился родственником покойному Майору. Но щекастая голова, посаженная на короткую шею, подозрительные, колючие глаза и широченные плечи выдавали в нем ту же породу профессиональных вояк, чьи манеры оставляют желать лучшего, и судьба которых примерно одинакова.

Подчиненные командира, которого я про себя так и окрестил «Копией», еще не доросли до физических кондиций начальника, но имели к тому все задатки. Их было трое. В той же черной форме с лычками на плечах, в отличие от четырех мелких звездочек, рассыпанных по погонам Копии. Крепкие, высокие, словно отштампованные на одном станке. Сходство усиливали одинаковые черные маски на лицах, оставляющие открытыми лишь рот и глаза.

– Чего помнишь? – спросила копия Майора.

Я перевел глаза на оружие, которое Копия небрежно держал в своей правой лапе.

– ВСС «Винторез», – сказал я. – Под специальные патроны СП-5 и СП-6. Предназначен для ведения бесшумной и беспламенной стрельбы на дальность до четырехсот метров. Принят на вооружение в восемьдесят седьмом году. Через год после...

Я зажмурился.

Ощущение было болезненным, словно льющийся из меня поток информации перерубили раскаленным клинком, и клинок тот прошелся по моим глазам изнутри. И зачем я выдал это «через год после...»? После чего?

– Точно. Через год после Первого Взрыва, – сказал Копия. – А больше ничего не помнишь?

Боль в глазах прошла так же внезапно, как и началась. Я осторожно приподнял веки.

– Чего шуришься как китайский новобранец? Больше, говорю, ничего не помнишь?

– Не знаю, – пожал плечами я.

Я и правда не знал. Сведения об оружии всплывали в голове по мере того, как перед глазами появлялись новые образцы. А еще я знал, как им пользоваться. Остальное тоже было узнаваемо – трава, солнце, люди... И мертвецы. И шар, катящийся по полю. Возможно, я не видел этого ранее, но знал, что нужно с ними делать.

Как например сейчас.

Ощущение пришло внезапно. Словно со стороны моего левого виска ко мне стремительно приближались две ледяные точки. Именно две. Я четко различал их. Одна большая, другая поменьше. А не особенно далеко за ними чуть медленнее двигалась россыпь таких же точек.

Копия уже не держал меня, поэтому ничто не помешало мне рвануться, оттолкнуть одного из парней в маске и, припав к стационарному пулемету, дать короткую очередь.

С другой стороны бруствера раздался визг, перешедший в предсмертный хрип. В траншею свалилась собака. Слишком большая для того, чтобы инерцию ее бега погасила встречная пуля. Вторая, более мелкая, осталась лежать за бруствером. На месте глаз твари, которая свалилась в траншею, зияли две пустые дыры, заполненные гноем. Третья дыра, еще не успевшая заполниться желтой вонючей жижей, была как раз между ними.

– Волна мутантов! – прорычал Копия. – Рассредоточиться! Огонь по моей команде!

Парень, которого я оттолкнул, попытался в свою очередь отпихнуть меня от пулемета, но рык Копии остановил его.

– Блаженный остается у пулемета! Угол, ведешь огонь из «калаша»!

– Есть из «калаша», – отозвался парень. В его голосе звучали обиженные нотки.

Однако через мгновение ему стало не до обид. Как и остальным.

Две безглазые собаки, которых я почувствовал левым виском, просто были самыми резвыми. То ли голод, то ли охотничий азарт, то ли и то и другое вместе послужили причиной того, что они вырвались вперед основной группы мутантов, несущихся на блокпост. В группе было с полсотни особей, в которой ведущую роль играла чудовищная псина, по размерам больше напоминающая небольшую лошадь, с которой только что содрали кожу. Тварь неслась на нас, и в отличие от тех собак, которые бежали рядом с ней, в ее глазницах были глаза – черные, лишенные зрачков шарики с сочащимися кровью остатками белков по краям.

Что такое лошадь, я не знал, но сравнение в голову пришло именно такое. Автоматы Копии и его подчиненных поливали тварь свинцовыми очередями, но она продолжала нестись вперед, не обращая внимания на куски кровавой плоти, вырываемые пулями из ее тела. Она не чувствовала боли, и я знал, что отверстия от пуль причиняют ей беспокойство не большее, чем мне комары. Только злят. И подогревают желание побыстрее убить назойливых тварей, вставших на пути ее стаи.

Я чувствовал это желание. Именно оно сплотило вокруг черной собаки стаю более хилых безглазых собратьев. Ведь для них убийство – это еда. А еда – это жизнь.

А что для меня убийство?

«Тоже жизнь», – подумал я, нажимая на спусковой крючок.

Я знал, что убить тварь можно лишь одним способом. И что этот способ есть решение всей проблемы в целом. Поэтому стоило ли тратить лишние патроны? Ясно дело, что не стоило.

Пулемет твякнул дважды – и замолк.

– Стреляй, твою мать! – заорал Копия. И тут же добавил удивленно: – Ну, ни хрена себе!

Два черно-кровавых шарика взорвались в глазницах твари. Она по инерции пробежала еще несколько шагов, но ее окончательно остановила автоматная очередь, выпущенная Углом – хотя в ней не было особой надобности. К чему тратить боеприпасы на и без того мертвое тело?

Труп собаки с раскроенным черепом шлепнулся на землю, словно кровавый стейк на сковородку. Именно это сравнение пришло мне в голову. Оставалось выяснить, что такое стейк и сковородка.

С потерей вожака стая собак мгновенно превратилась в визжащий ком из лап, безглазых голов и тел, усеянных открытыми язвами и обрывками кожи. Задние напирали на передних, которые метались, потеряв направление движения, сбивали их с ног и падали сами. А всю эту кучу гнилой плоти поливали свинцом четыре автомата.

Дело довершила пара гранат, синхронно брошенных по команде Копии. Я выглянул из-за бруствера.

В десятке метров от меня разбитая, заросшая травой дорога превратилась в месиво из обрывков подрагивающей плоти, костей, крови и грязно-желтого гноя, перемешанного с землей и асфальтовой крошкой.

– Зачем? – спросил я. – После смерти вожака они бы и так разбежались.

Четыре пары глаз с недоумением уставились на меня. Немая сцена продолжалась секунд десять. Я почти чувствовал, как в головах этих людей ворочаются мозговые извилины, परिवаривая информацию. Интересно, что я такого сказал, отчего они синхронно выпали в ступор?

– Это Зона, парень, – наконец сказал Копия. – Или мы мутантов, или они нас. Видишь мутанта – стреляй не раздумывая.

Я его не понял. Зачем стрелять в существо, которое не хочет тебя убить? Я видел, что Копия тоже не понимает меня. Но это было неважно. Я хотел есть, и эти люди могли дать мне пищу для того, чтобы жить. И патроны для того, чтобы защищаться. Поэтому я должен был подчиняться их законам. Пока что.

Я кивнул.

– Вот и хорошо, – сказал Копия. – Хоть ты и блаженный, но молодец, завалил-таки волкопса.

– Кого? – переспросил я.

– Вожака мутантов. За это будет тебе от «Борга» благодарность. В «Борге» всегда отдают долги.

– Но товарищ капитан, – пробормотал Угол, – директива генерала Грачева...

– С генералом я сам поговорю, – отрезал Копия. – А ты голос будешь подавать, когда научишься как этот блаженный очередью в два патрона мутантам глаза вышибать. Вопросы есть, товарищ солдат?

– Никак нет! – вытянулся в струнку Угол.

– О то-то ж. А теперь кругом – и на чистку пулемета.

– Опять я? – не выдержал Угол.

– Ты помолись Зоне, что я тебя под трибунал не отправил, – сказал Копия. – Третий сектор чей?

– Мой, – сник Угол.

– Стало быть, кто мутантов-то проворонил? Блаженному спасибо скажи.

– Спасибо, – процедил сквозь зубы Угол, бросив на меня взгляд, полный ненависти.

– Вот так-то лучше, товарищ солдат, – сказал Копия. – А теперь кругом, и шагом марш выполнять приказание. А ты, блаженный, можешь пожрать и отдохнуть. Скоро смена придет и мы в казармы отправимся. Надеюсь, ты не против того, чтобы вступить в «Борг»?

Я пожал плечами. Мне было все равно. Я хотел есть и спать.

Копия протянул мне две консервы и большой сухарь.

– Воду в канистре возьмешь. Там кружка рядом общаковая, чтоб сподручней было фляги наполнять. После еды ополоснуть ее не забудь. Кстати, меня Тарасом звать. Погоняло Кобзарь. Ну, а как присягу примешь, кроме как «товарищ капитан» лучше не обращайся, а то сразу в челюсть огребешь. Усёк?

Я кивнул. Мне было все равно, как называет себя Копия.

Место мне указали в конце траншеи, где на нескольких досках лежал старый тюфяк. Я лег, свернулся клубком – и задумался.

Я подумал, что мало чем отличаюсь от волкопса, которого убил из пулемета. А еще я подумал, что так же, как эта помесь волка с собакой чувствовала членов своей стаи, посылая их в атаку на блокпост, я чувствовал пули, которые послал в него. Прицел не имел никакого значения. Я мог стрелять с закрытыми глазами. Я чувствовал цель и чувствовал оружие, которое держал в руках. Так насколько сильно я отличаюсь от того мутанта, который посылал своих бойцов, чтобы убить меня?

Вопрос был слишком сложным. И для того, чтобы на него ответить, мне явно не хватало информации. Поэтому я просто перестал думать, и практически мгновенно заснул.

Снилось мне, что двое бойцов из команды Копии, чуть высунув головы за бруствер, внимательно следят за горизонтом, а сам Копия и Угол сидят на другом конце траншеи, курят одну на двоих кривую «беломорину», передавая ее друг другу и подолгу задерживая дым в легких, и ведут неспешную беседу, которую я слышу отчетливо, словно они сидят в двух шагах от меня.

– И на фига тебе, Тарас, этот ушлёпок сдался?

Глаза Угла я тоже видел. Были они слегка осоловелые, но, тем не менее, отчаянно злые.

– Ты же знаешь блаженных. Через неделю он встанет на четвереньки и будет в округе одним снарком больше.

– Или не станет, – степенно возразил Копия. – Бывали случаи, что сталкеры всё вспоминали.

– Один из тысячи. Или из двух. По кому загоризонтная РЛС прошла, тому нет возврата к людям.

– А ты знал тех, кто вспомнил? Хоть одного?

– Не довелось, – покачал головой Угол.

– Еще одна причина, почему ты старшина, а я капитан, – хмыкнул Копия. – А я знал одного. Он притащился на четвереньках в чем мать родила, и неделю только скулил и пил воду. Ну снарк и снарк, только непереродившийся пока что. Казалось бы, пристрелить от греха подальше – и все дела.

– Ну?

– Вот тебе и «ну». Однако генерал Грачев – он тогда еще в подполковниках ходил – прикинул, что выполз тот блаженный из Черной долины, причем сразу после выброса.

– И что в этом такого?

Копия усмехнулся.

– Пару лет назад Черная долина вообще непроходимой была, это сейчас выбросы ее аномалии по всей Зоне раскидали. Тогда их в той долине было что грибов после радиоактивного дождя. Ну нереально было там человеку выжить, пусть даже непереродившемуся снарку. А уж тем более выброс пересидеть. В общем, любопытство его разобрало. И пошел он в рейд, прихватив с собой того блаженного.

– И что?

– И то, – хмыкнул Копия. – «Веселые призраки», «электроды» и «комариные плешки» с дороги того блаженного натурально расползались как живые твари, которых напугали до трясушки. А остальные аномалии он чуял не хуже псионика, и просто обходил без всяких болтов. Тогда еще таких детекторов не было, как сейчас, потому от него «Боргу» вышло большое подспорье. Особенно по части глубоких рейдов в Зону. Потом к нему соображение помаленьку вернулось, и на корячках ползать он, само собой, тоже перестал. Только вот что до этого было, как он в Зону попал и что с ним после приключилось – как отрезало. Вот так-то.

– И что с ним потом стало?

– Потом, – вторично хмыкнул Копия. – Потом он в «Борг» вступил, и звание ему за заслуги присвоили. Потом еще одно. И следующее, вне очереди.

Копия понизил голос почти до шепота и, наклонившись к уху Угла, произнес:

– А теперь это наш полковник Павленко. Только не тренди об этом кому попало, не дай Зона, до его ушей дойдет. Тогда нам обоим несдобровать. Не любит он ворошить прошлое. Не иначе опасается, что его за мутанта считать станут.

– Ну дела... – протянул Угол.

– И теперь прикинь, старшина, своей головенкой, что бы было, если б тогда подполковник Грачев того блаженного пинками от блокпоста прогнал. И приполз тот блаженный на четырех костях, скажем, к «Воле». Разумеешь?

– Разумею, – криво улыбнулся Угол, щелчком отправляя вонючий «бычок» за бруствер. – Получается, загоризонтная радиолокационная станция кое-кому часть мозгов отключает, а взамен способности мутантов дает.

– Круче, чем у мутантов, – сказал Копия. – Не слыхал я, чтобы от Ктулху или даже от псиоников аномалии бегали. Или чтобы они из пулемета двумя выстрелами кому-то глаза вышибали. Сдается мне, что не ЗГРЛС это.

– Думаешь, Монумент?

– Думать можно что угодно, – фыркнул Копия, – а мне давно майорские звезды получать пора. А тебе – лейтенантские. Так что береги этого блаженного. Думаю, при хорошем раскладе он «Боргу» сильно помочь может.

Я не помнил, какими должны быть сны. Наверно такими, что ты слышишь и видишь все, что происходит вокруг тебя на многие километры. Мне надоело слушать, о чем говорят Копия с Углом, и я взлетел, легко оторвавшись от земли.

И увидел Зону.

Мир, в котором мне предстояло научиться жить.

Черную, выжженную, мертвую землю с яркими, живыми пятнами, которые люди называли аномалиями. И ослепительным пятном, блистающим далеко на севере. Меня с непреодолимой силой потянуло туда, все мое существо рванулось навстречу свету и теплу... но вдруг снизу, с мертвой земли поднялась до неба черная стена. От нее веяло безысходностью, страхом и болью. Невидимая боль ударила меня, пронзив все тело миллионами разрядов, разрывающих мою плоть на части. Я попытался закричать пульсирующими остатками голосовых связок... и проснулся.

– Что, сталкер, корежит тебя? Ни хрена ужасного, переживешь.

Сейчас мерзкий голос Копии был для меня словно глас ангела. Кстати, надо не забыть узнать, что значит слово «ангелы». Мне еще многое надо было узнать. И желательно у того, кто уже побывал в моей шкуре. Если, конечно, сны не врут.

– Вставай, парень, смена пришла. На заводе доспишь.

Почему-то мне казалось, что на заводах не спят, а работают. Но я решил не доверять смутным и необъяснимым ощущениям, оставшимся у меня от прошлой жизни, о которой я ничего не помнил. Гораздо проще было доверять снам. По крайней мере в них было больше конкретной информации.

Старший новой смены отличался от своих подчиненных только количеством вышитых звездочек на плечах и пальцев на левой руке – их там осталось всего два из положенных пяти.

– Тоскливое это дело, Кобзарь, после тебя смену принимать. Как мутантов стрелять – так вы первые. А как падаль после себя сжечь – так это сменщикам оставляем. Так?

– Тебе, Пианист, один хрен делать нечего будет, – нимало не смутясь резким тоном начальника новой смены, ответил Копия. – Вот и займешься.

– Ты не в конец оборзел, Тарас? – тихо спросил тот, кого называли Пианистом.

– По ходу, это ты нюх потерял, – ответил Копия, словно невзначай кладя руку на свой «Винторез». – Если не в курсе, по новой поправке к Закону сменщики убирают за ликвидаторами. Повезет тебе отбить волну мутантов – я уберу за тобой без базара, если следующей будет моя смена. А если тебя что-то не устраивает – не вопрос, пригласи меня на арену. Ты же знаешь, я никому не отказываю.

Я слышал, как Пианист еле слышно скрипнул зубами перед тем, как повернувшись к своей группе отдать короткую команду. А еще я видел, как сверкнули ненавистью его глаза. Примерно так же, как у Угла. Странная манера у этих людей – ненавидеть тех, кто им не по зубам. Зачем тогда нарываться?

Многое мне было непонятно в этом мире. И во многом предстояло разобраться.

Мы покидали на дно траншеи рюкзаки с патронами и продовольствием, привезенные сменщиками, после чего влезли в бронированный автомобиль, на котором они приехали.

На крыше тупорылой машины, обшитой со всех сторон бронелистами, была смонтирована пулеметная турель. Мне показалось не очень удачным техническое решение, при котором двое сидящих сзади были вынуждены нюхать носки пулеметчика, вращающееся кресло которого находилось значительно выше. Но порадовало, что носки эти пришлось нюхать не мне.

– Слышь, парень, как тебя там. Полезай к пулемету, – бросил мне Копия, усаживаясь рядом с Углом, устроившимся на водительском сиденье. Про себя я отметил, что блаженным капитан меня не назвал. Хотя значения этот факт не имел никакого. Мне было достаточно того имени, которым меня назвал Странник. И какая разница, знают его другие или нет. Кто не знает – спросит. А кто не спросит – и хрен с ним, как сказал бы Копия.

Автомобиль тронулся по асфальтовой дороге, неизвестно зачем проложенной через редколесье много лет назад. В некоторых местах корни деревьев взломали покрытие, но в общем состояние дороги было вполне сносным для того, чтобы с относительным комфортом ехать со скоростью пятьдесят километров в час.

Угол управлял автомобилем, сосредоточенно вцепившись в рулевое колесо, что было неудивительно – с обеих сторон обочина представляла собой полужидкое месиво из зелено-коричневой грязи.

Наверху было лучше, чем в душном салоне автомобиля, куда воздух проникал только через бойницы. Правда, бойница перед моим лицом была значительно шире, и поток воздуха бил мне прямо в лицо, приятно освежая. Если, конечно, не обращать внимания на примешанные к тому потоку запахи болотной тины, сырости и мертвечины, которыми, кажется, было пропитано всё вокруг. Но я не обращал внимания на такие мелочи. Это был обычный запах мира, в котором я собирался научиться жить.

– На три часа по ходу движение, – прорычал Копия. – Пулеметчик, огонь!

Действительно, в указанном капитаном направлении жрал чей-то труп молодой кабан едва вылезшими из пасти клыками. Я знал – кабан уже почти сыт, и нападать не собирается. Тем более на бронированную машину. Но Копия хотел огня. Что ж, он его получит.

Экономная очередь прошла ствол корявого дерева на два пальца выше головы зверя. Разрывные пули выдрали из мертвого ствола горсть трухи и щедро осыпали холку кабана. Тот хрюкнул от неожиданности, подпрыгнул, и галопом чесанул в чащу.

– Попал? – осведомился Копия. Мы уже пронесли мимо, и результатов стрельбы капитан видеть не мог.

– Да, – сказал я. Я действительно попал туда, куда целился.

– Молодец, – рыкнул Копия. – Так держать, товарищ солдат!

Я держал рукоять пулемета так, как мне было удобно, и не собирался менять положение рук. Непонятно, к чему Копия сказал эту фразу, но я не стал переспрашивать. Я уже понял, что люди говорят много ненужных слов, и для них это нормально. Поэтому я сказал то, что считал нужным:

– Лучше прибавить скорость.

Со своего места я видел, как Угол бросил вопросительный взгляд на капитана. Копия кивнул, и водитель вдавил педаль газа. А потом автомобиль поглотило пламя. Ненадолго, секунды на две. Однако этого было достаточно, чтобы внутренняя обшивка машины ощутимо нагрелась.

Автомобиль вильнул, нас тряхнуло, но Углу удалось справиться с управлением.

– Ты чего творишь, козлина блаженная! – заорал он. – В «жаре» решил нас спалить?

– Заткнись, – коротко бросил ему Копия. И, повернувшись ко мне, начал меня разглядывать. Интересно, зачем. До этого что ли не рассмотрел?

– Ты аномалии чувствуешь? – спросил Копия, окончив осмотр.

Я пожал плечами. Когда воздух, бивший мне в лицо, принес ощущение тепла, я решил, что лучше проскочить очаг огня, чем объезжать его по бездорожью, рискуя завязнуть колесами в грязи. Думаю, что если бы на моем месте оказался любой другой, он почувствовал бы то же самое. Только, похоже, Копия думал иначе.

– С полчаса назад сменщики этой дорогой ехали, и не было на ней никакой «жары», – подал голос один из парней с заднего сиденья. – Они б сказали, и на КПК отметили.

– Сам знаю, – буркнул капитан, отворачиваясь от меня. – Похоже, в Зоне движуха непонятная началась. То псы ни с того ни с сего дуриком на блокпост полезли, то «жара» ни пойми откуда за час образовалась. Дела.

Больше за всю дорогу ни он, ни его бойцы не проронили ни слова.

Автомобиль вынырнул из редколесья, пролетел метров двести по черной, выжженной земле – и я увидел «Росток». То есть, старый бронетранспортер БТР-90 со снятыми колесами. Ранее секретная разработка, выпускаемая под кодовым названием «Росток», не выдержав испытания Зоной и, видимо, получив невосстановимые повреждения ходовой части, была наполовину врыта в землю и превращена в долговременную огневую точку с вполне функциональной поворотной башней, снабженной автоматической тридцатимиллиметровой пушкой. То, что пушка функциональна так же, как и башня, было очевидно – иначе для чего невидимый наводчик столь оперативно повернул ее в нашу сторону?

«Росток» был врыт прямо перед воротами, над которыми имелась насквозь проржавевшая вывеска «Электромеханический завод»

При виде нацеленной на автомобиль автоматической пушки Угол немедленно сбросил скорость, а Копия сосредоточенно что-то забубнил в рацию. Однако наводчик БТРа продолжал держать нас под прицелом до тех пор, пока мы не остановились. Из импровизированного блокпоста вылез лейтенант и всунул нос внутрь нашей машины.

– Это кто? – спросил он вместо приветствия, ткнув пальцем в мои ботинки.

– Дед Пихто, – недипломатично ответил Копия. – Докладывать я буду лично Павленко.

– Не имею права пропускать на территорию неопознанные личности, – заупрямился было лейтенант. Однако Копия, взяв лейтенанта за погон, притянул его к себе и сказал на ухо несколько слов. После чего настроение несговорчивого офицера разительно переменялось.

Он отошел от машины с кислой миной и пробубнил что-то невнятное в висящую на его плече портативную рацию. После чего башня бронетранспортера с тихим жужжанием вернулась на исходную позицию, а толстые ворота медленно разъехались в стороны.

Наша машина медленно въехала на территорию завода.

Первое, что мне бросилось в глаза, был огромный плакат, прибитый над входом в какой-то полуразрушенный цех:

«Сталкер! На территории группировки «Борг» применение оружия строго запрещено! Нарушители расстреливаются на месте!».

«Странно, – подумал я. – Если применение оружия запрещено, то из чего же на месте расстреливаются нарушители?»

Автомобиль осторожно вписывался в узкие заводские улочки, то и дело рискуя зацепить бампером то ржавый электрокар, то стопку поросших зеленым мхом бетонных блоков, то кусок кирпичной стены, отвалившийся от просевшего в землю здания. Похоже, на территории «Борга» следили только за использованием оружия, но никак не за порядком и чистотой на самой территории.

Между тем жизнь в ветхих зданиях старого завода была ключом. Над дверями в бывшие цеха имелись надписи «Гостинница “Бэр”», «Арена», «Казино “Стронций”», «Бар “Грэй”». Люди входили и выходили из зданий, а то и просто сидели у костров, разведенных чуть ли не на дороге. Кто-то, пренебрегая услугами гостиницы, разбил палатку между двумя зданиями, несколько человек грелись около бочки, внутри которой горел огонь, какой-то парень просто спал в кустах, завернувшись с головой в потертую куртку с капюшоном и обняв автомат.

Рядом с кустами были грудой навалены мешки с песком, между которыми имелся узкий проход. В проходе стояла бой-баба в черно-красном комбинезоне. То, что этого солдата группировки лучше назвать «бой-бабой», мне пришло в голову, когда я увидел две большие выпуклости, приподнимающие красные вставки костюма на уровне груди. Если бы не они, отличить «бой-бабу» от остальных «борговцев» было бы затруднительно, так как на голове этого нестандартного солдата имелась стандартная шерстяная маска с прорезями для глаз и рта, а в руках удобно, словно ручная такса, устроился тупорылый автомат АКСу-74.

Я собрался было спросить у Копии о значении термина «бой-баба», и заодно выяснить, что такое объемное спрятано под защитным костюмом странного солдата, но не успел. Угол довольно резко нажал на тормоз и заглушил мотор.

– Все свободны, – сказал Копия. – Кроме тебя.

Это уже относилось ко мне.

– Ты со мной.

Я не возражал. Тем более, что выбор у меня был невелик.

Мы вылезли из автомобиля.

– Я к Павленко, – сказал Копия. – Он со мной.

Бой-баба окинула меня подозрительным взглядом, но ничего не сказала и посторонилась, пропуская капитана. Интересно, что такое сказал Копия на ушко летехе там у КПП, что теперь неопознанную личность, то есть меня, везде пропускают, словно я прям свой в доску?

– И посмотри, что за фрукт там дрыхнет в кустах, – бросил Копия через плечо.

– Он не дрыхнет, – флегматично сказал вполне мужским голосом нестандартный солдат. Или солдатка? Интересно, вернется ко мне когда-нибудь память, чтобы я наконец разобрался в значении слов, которые я помню, но смысл которых остается для меня загадкой?

Копия остановился на полпути.

– А если не дрыхнет, вызови труповозку. Еще не хватало, чтобы он вонять начал. И автомат заberi.

– Есть автомат забрать, – так же флегматично ответила бой-баба.

– В оружейку сдать не забудь и оприходовать.

– ...ять, – тихо прошелестело за спиной.

– Все говорить надо, без приказа никто вшу на собственной заднице не поймает, – ворчал на ходу Копия.

Мы шли вдоль ряда одинаковых барачных бараков, сложенных из кирпича и недавно покрашенных в уставной зеленый цвет.

– Это и есть настоящая территория «Борга», – пояснил капитан. – В отличие от того гадюшника.

Он кивнул в сторону оставшихся позади мешков с песком.

– А гадюшник зачем? – осведомился я.

– Жить-то как-то надо, – сказал Копия. – Сталкеров пускаем-охраняем, они торговцам хабар сбывают, водку в баре жрут, девок в гостиницу таскают, а нам со всего этого налоги идут. Государство получается, как ни крути. Генерал Грачев недавно официальный закон утвердил. Скоро суд откроется, и тюрьма при нем. А там, глядишь, и вся Зона под «Боргом» будет. Так-то сынок.

Со стороны «гадюшника» раздалась громкая бравурная мелодия, сменившаяся механическим хрипом, сквозь который прорезался голос:

– Сталкер! С каждым выбросом Зона расширяет свои границы. Наша задача остановить раковую опухоль, пожирающую планету. Вступи в «Борг», пока мутанты не сожрали твоих близких, и пока твои близкие не стали мутантами. Убей тварь, тянущую грязные лапы...

Новый приступ механического кашля и хрипа поглотил слова невидимого оратора.

– Помехи передатчик глушат, – с досадой сказал Копия. – Не любит Зона, когда ей на хвост наступают. Да только «Борг» аномалиями да мутантами не возьмешь!

В его словах я почувствовал некую наигранную фальшь. Словно Копия сейчас рисовался перед кем-то невидимым, при этом отчаянно его опасаясь. Но мне было как-то наплевать, кто и чем собирался взять «Борг». Я уже поставил себе первоочередные задачи, и «Борг» имел к ним отношение постольку поскольку.

Пройдя ряд бараков, мы вышли на небольшой плац, по краям которого торчали вкопанные в землю металлические рамы, сваренные из тронутых ржавчиной труб, в которые были вставлены плакаты. Неправдоподобно громадный мужик в черно-красном комбинезоне, в традиционной маске и с автоматом, давящий ботинком крохотного клыкастого кабана, и подпись под ним: «Воин Борга! Защити наш мир от Зоны!». На втором плакате аналогичный защитник мира стрелял в человекоподобного монстра с красной бородой. И подпись: «Зона – это болезнь. Встречайте доктора!». На третьем был изображен «борговец», тыкающий пальцем в зрителя. И подпись «А ты записался в Борг?».

– Интересуешься? – улыбнулся Копия. Его улыбка напоминала оскал придавленного каблуком мелкого кабана на первом плакате.

Я промолчал. Какой интерес в нарисованных фигурах, местами слегка размытых льющимся с неба слабокислотным раствором?

За плацем стояло белое трехэтажное здание. Кое-где штукатурка отвалилась, обнажив краснокирпичную сущность стен, но в целом здание выглядело вполне прилично по сравнению с цехами «гадюшника». Над входом понуро висели подмокшие флаги – сине-желтый украинский и черно-красный борговский. Вход загораживал огромный детина, про которых говорят «что поставишь, что положишь». Не иначе, форму ему на заказ шили.

«Мутант наверно», – подумал я. А потом подумал, что в обозримом прошлом живого человекообразного мутанта-то я и не видел, разве что на плакате.

«Значит, это будет первый», – решил я про себя.

А еще я решил не заморачиваться попусту. Определенно, мой изначально стерильный мозг по мере накопления впечатлений вытаскивал из своих темных углов остатки воспоминаний прошлой жизни. Которые мне кто-то очень постарался подчистить, но, видимо, преуспел

не до конца. И кто этот «кто-то», мне тоже надо было узнать. Хотя бы для того, чтобы восстановить для себя картину прошлого. Потому, что человек без прошлого – не человек, а так: зомби не зомби, debil не debil. В общем, не пойми что.

У «мутанта» были ленивые глаза профессионального палача. Он равнодушно скользнул взглядом сначала по мне, потом по Копии, потом снова по мне.

– Куда? – спросил «мутант».

Голос у него был бесцветный и тусклый, как кислотный дождь. Не тот, что периодически накрапывал в Зоне, заставляя сталкеров натягивать непромокаемые капюшоны во избежание преждевременного облысения, а настоящий. Который часто случается сразу после Выброса, и от которого не спасают ни капюшоны, ни даже армейские каски.

– В штаб, – лаконично ответил Копия.

На каменном лице «мутанта» не отразилось ни единой эмоции.

– Я понял, что в штаб. К кому?

– К Павленко, – терпеливо сказал капитан.

– Оружие сдай.

Это относилось ко мне.

Я снял с плеча автомат «Адидаса» и вручил его «мутанту».

– А в карманах что?

«ПМ» Странника тоже пришлось отдать.

«Мутант» для верности похлопал меня по карманам и ногам и, ничего не обнаружив, сказал:

– Сними куртку.

– Хорош тут мужским стриптизом развлекаться, – поморщился Копия. – У нас срочное дело.

– У всех срочное, – буркнул «мутант» для того, чтобы сохранить лицо, но на куртке больше не настаивал.

– Проходите.

Мы поднялись по выщербленным ступенькам и вошли в здание.

В коридоре стоял еще один «мутант», охраняющий стеклянную пирамиду с черно-красным знаменем. В руках у него была гаусс-пушка или, как ее ласково называли сталкеры, «гусенок» – страшное оружие Зоны, способное не только продырявить любой бронированный комбинезон, но даже пробить броню среднего танка. «Мутант» номер два при нашем приближении лишь чуть шевельнулся, корректируя ствол «гауссовки» так, чтобы он был направлен мне в голову. Так я и прошел до конца коридора, ощущая неприятное покалывание в области затылка. То ли это был страх, то ли воздействие используемого в «гауссовке» фрагмента артефакта «батарейка», который на самом деле на фрагменты дробить не рекомендуется – чревато, если ты не фанатик Монуменга...

Меня замутило и я остановился. Перед глазами поплыли красные круги.

– Что с тобой?

Я помотал головой, ничего, мол. Круги перед глазами таяли с той же скоростью, что и появились. Так сказать, временная контузия малопонятными мыслями, всплывающими в голове словно старые трупы после взрыва гранаты в болоте.

Копия раздраженно фыркнул.

– Ну тогда не тормози. Давай, шевели щупальцами, нам на второй.

На втором этаже имелся ряд кабинетов. Возле некоторых из них стояли «мутанты» в масках и при оружии. Копия сунулся в ближайший кабинет, «мутантом» не охраняемый.

– Можно, трицц полковник?

– Заводи, – раздалось из глубины кабинета. – А сам сгинь пока.

– Есть.

Копия втокнул меня внутрь и сгинул, почтительно притворив за собой обшарпанную дверь.

«Мутант» для охраны этого кабинета и вправду был бы лишним.

За столом сидел военный, шириной плеч превосходящий любого из своих подчиненных раза в полтора. В моей голове всплыл еще один «труп» – виденная где-то древняя кольчуга русского витязя, у которого ширина плеч превосходила длину кольчуги. Этаким лежащий параллелепипед. «Трицу полковнику» она подошла бы в самый раз. И откуда они такие берутся? Не иначе, действительно мутации.

На столе у полковника имелись лишь пять предметов – компьютер, селектор, пистолет, портсигар и полированный череп бородатого мутанта с плаката, плотно набитый сигаретными окурками. Для удобства складирования окурков верхняя часть черепа была отпилена, но под плохое настроение «бычки» порой пихались в глазные, ушные и ротовые отверстия, которых у черепа было несколько.

– Садись, – вместо приветствия сказал полковник, коротко кивнув на единственный стул.

Я повиновался.

– Курить будешь?

– Нет, – сказал я.

– Ладно.

Полковник ткнул в череп дымящимся «бычком» и, вытащив из портсигара свежую сигарету, прикурил ее от вонючей бензиновой зажигалки.

– А теперь говори, зачем пришел и откуда.

Я пожал плечами. Зачем и откуда я не помнил. Эти «трупы», наверно, все еще лежали на дне болота и ждали своего «взрыва». Причем, судя по недавним кровавым кругам перед глазами, такого мощного «взрыва» я мог и не пережить.

– Понятно, – кивнул головой полковник. Голова у него была лысой и бугристой, как поверхность луны в ясную ночь. – Ни хрена не помнишь, говорить трудно, но мысли в башке не умещаются. И притом кажется, что с каждой минутой умнее становишься. Так?

Я кивнул. Точнее не скажешь.

– Капитан доложил мне по радиации, что ты стреляешь как дьявол и аномалии чувствуешь. Так?

Зрительных ассоциаций с дьяволом у меня пока не было, а насчет стрельбы... Получалось, что другие стреляют хуже. Хмм... До этого я как-то не задумывался, что пули могут лететь не туда, куда ты их собирался послать. Рука дрогнет, или еще что. Надо взять это на заметку.

– Аномалии не знаю, – сказал я. – Тепло чувствую, электричество тоже. Артефакт в «гауссовке».

– Понятно, – сказал полковник. Похоже, это было его любимое слово. – Мне тут торгаш по имени Петрович видеофайл скинул, у него вокруг логова на столбах да на деревьях мини-камеры с датчиками движения понатыканы. Любопытный файл надо сказать. Давно не было, чтобы «роженица» так далеко из Зоны выползала.

– Роженица? – не понял я.

– Аномалия, воскрешающая мертвецов, – пояснил полковник. – В Зоне их полным полно, вреда от них никакого, и не проявляют они себя никак. Пока в них труп не попадет. Человека ли, собаки ли, кабана. Из человека получается зомби, а из мутанта – мутант в квадрате. Такого убить можно, только если мозг напрочь из гранатомета разнести, чтоб даже кусочка в черепе не осталось. Или голову отрезать. Многие раненые мутанты «роженицу» чувствуют и ползут в нее подышать. Вот такие дела. Стало быть, аномалия к Петровичу в гости приползла, а ты в ней четырех зомби уделал. Причем мозгов в то время у них было побольше, чем у тебя.

– А откуда...

– Откуда я про мозги в курсе? Сам такой был. И до сих пор не знаю, что со мной случилось до того, как в Зону попал. И знать не хочу. Поначалу жутко хотелось раскопать что да как. Сейчас же до фонаря. Когда есть цель в жизни, прошлое не имеет значения. Тем более, если ты о нем ничего не знаешь. Поэтому очень рекомендую тебе поскорее обзавестись хорошей целью. Например, в составе «Борга» полностью взять Зону под контроль, очистив ее от мутантов и всякого сброда. Ты не хочешь поучаствовать в создании нового государства? «Боргу» не помешал бы такой снайпер, как ты.

Я покачал головой.

– У меня есть цель, – сказал я.

Полковник нехорошо прищурился.

– И какая же, позвошь узнать? Уж не упомянутое ли мной стремление раскопать свое старое дерьмо?

Я покачал головой.

– Нет. Мне надо узнать, кто такие «ангелы».

Петренко внимательно посмотрел на меня, потом криво ухмыльнулся.

– Группировка. Которую мы вырезали подчистую с год назад. Религиозные фанатики. Считали себя воинами апокалипсиса, а Зону – его началом. В последнем они, возможно, были правы, но у нас свои взгляды на проблему. В общем, та же нечисть, что и остальные. Еще вопросы будут?

Вопросы были. Два. На первый полковник уже частично мне ответил, остальное я раскапываю сам. Что ж, может, со вторым поможет.

– Мне нужно найти Директора.

На мгновение мне показалось, что кто-то невидимый долбанул прикладом «гауссовки» по макушке полковника. Он поперхнулся сигаретным дымом и уставился на меня, словно я ни с того ни с сего превратился в псионика.

Дьявол!

Кто такой псионик, я тоже не знал, и наличие в моей голове непонятных для меня слов и выражений начинало серьезно раздражать. Впрочем, кто такой дьявол, я тоже не знал, но слово пришлось очень кстати.

Тем временем полковник очень аккуратно ввинтил в гору окурков очередной «бычок» и медленно положил руки на стол рядом с пистолетом.

– А зачем тебе Директор? – вкрадчиво спросил он.

– Нужен, – сказал я. – Последняя воля умирающего.

Полковник подобрался. Сейчас он был похож на готовую к прыжку черную собаку.

– Странник тебе что-то дал для Директора? – быстро спросил он.

Я отрицательно качнул головой. Для Директора Странник мне ничего не давал, да и мудрено ему это было сделать с искалеченными руками. Он лишь сказал слова, а потом я вскрыл его ботинок.

– Тогда зачем тебе Директор?

– Воля умирающего, – повторил я.

– Та-ак, – протянул Павленко. – Значит, воля умирающего, говоришь?

В третий раз я повторять не стал. Сколько можно?

Полковнику повторения и не требовалось. Ему требовалась новая сигарета. Он достал портсигар, раскрыл его и некоторое время скреб волосатыми пальцами по гладкому серебру, при этом уставившись почему-то на череп мутанта. Со своего места мне было видно, что портсигар пуст. Странно. Интересно, долго он еще будет точить ногти?

Оказалось, недолго. Павленко оторвался от черепа, раздраженно захлопнул портсигар, швырнул его на стол и нажал на красную кнопку, вделанную в стену рядом со столом. В кори-

доре тренькнул звонок и буквально в ту же секунду в кабинете возникли двое – Копия и один из коридорных «мутантов».

«Небось, сейчас их за сигаретами пошлет», – подумал я.

И ошибся.

– Увести, – произнес полковник. – И расстрелять.

Я не сразу понял, что сказанное относилось ко мне. И поэтому даже не успел шевельнуться, когда жесткие клешни схватили меня за руки и заломили их за спину, а запястья захлестнула петля.

Потом меня сдернули со стула и подняли на ноги. Вокруг запястьев обвилось еще несколько витков холодного полимерного шнура, больно врезавшегося в кожу.

«При такой вязке через час кисти лучше будет отрезать», – промелькнуло в голове. Интересные, однако, сведения имеются в моей голове. Только буду ли я сам жив через час?

– Проведете по-тихому черным ходом за пищеблок, там разденете, рассчитаете и закопаете в контейнере с отходами. Потом подгоните погрузчик, вывезете контейнер обычным путем и типа случайно утопите в болоте. Одежду сложите в мешок и сдадите в лабораторию на исследование. Вопросы?

– Контейнер позавчера вывозили, он еще на две трети пустой, – по-хозяйски озабочился «мутант». – На посту вопросы могут возникнуть.

– Я распоряжусь, чтоб не возникли, – сказал полковник. – Выполняйте.

И ткнул кнопку селектора.

– Есть выполнять! – рявкнули «борговцы». Но полковник их уже не слушал.

– Дежурный, – прорычал он в тушку селектора, отчего та завибрировала металлическими кишочками, – пришли кого-нибудь пепельницу очистить! Твою мать, пока не напомнишь, никто и не почешется!

* * *

– Он что, сам окурки выбросить не может?

Меня вели по подземному ходу.

База «борговцев» была продумана до мелочей. Прямо в кабинете полковника Павленко имелась винтовая лестница, искусно скрытая в поворотной стене. По этой лестнице меня спустили вниз, поддерживая за воротник куртки, и теперь вели вдоль сырого тоннеля, подсвечиваемого тусклыми лампочками, висящими на проводах под потолком.

Я прекрасно осознавал, куда меня ведут и зачем. Непонятно было – за что? В моей и без того полупустой голове накопилось слишком много вопросов, и почему-то сейчас помимо моей воли озвучился наиболее дурацкий.

– Он может, – сказал Копия. – Только лишний раз сервомоторы сажать не хочет.

– Какие моторы?

Еще один дурацкий вопрос. Какая разница, какие моторы, когда тебя на расстрел ведут? Но Копия ответил:

– У полковника ног нет. Вместо них протезы, сконструированные на базе экзоскелета.

– Ясно, – сказал я.

– А мне не очень, – проворчал Копия. – И за что он тебя приговорил?

– Какая разница за что?

Из дырок в маске нехорошо зыркнули белесые глаза «мутанта».

– Ног нет, зато голова есть, потому он и полковник. Будь моя воля, я бы вообще всех этих сталкеров...

– Пока воля не твоя, лейтенант, – отрезал Копия. – Поэтому заткни хайло и выполняй приказ!

«Мутант» еле слышно скрипнул зубами, но заткнулся. Дисциплина у них в «Борге», надо признать, была на уровне.

За что меня приговорил Павленко, было и мне непонятно, поэтому я промолчал. Да и не до разговоров было. Повинуясь толчку стволом в лопатку, я повернул в одно из ответвлений подземного хода, и уперся в очередную винтовую лестницу. Подъем осуществили по той же схеме, что и спуск, правда здесь наверху был люк. Впереди шел Копия, он люк и открыл, предварительно введя код на панели, привинченной к стене ржавыми болтами. Подняться по лестнице мне «помогал» «мутант», больно пихая стволом автомата в позвоночник.

Наконец восхождение закончилось. Мы поднялись наверх, и сразу же меня накрыло вонью гнилой капусты, тухлого мяса и лежалых объедков.

Это была обычная помойка с заляпанным присохшей кашей ржавым мусорным контейнером, стоящим у длинной грязной стены столовой с черной железной трубой, торчащей из крыши. Рядом с контейнером притулился переоборудованный под погрузчик старый ГАЗ-66, готовый принять на свою железную спину вонючий гроб с моим телом. А еще я увидел угол забора, собранного из бетонных панелей, на одной из которых имелось небрежно замытое бурое пятно.

– Ну что, парень, становись где больше нравится, – сказал Копия, досылая патрон в патронник своего «Винтореза». – Не по душе мне все это, но приказы начальства не обсуждаются. Не обессудь уж, у каждого из нас своя судьба. И упокой тебя Зона. Только сначала нож мне подари.

– Ты о чем, капитан? – спросил «мутант», тоже беря на изготовку свой «калаш». – Какой нож?

– Тот самый. Мне майор Хруст перед смертью на наладонник скинул. Этому снайперу Странник, умирая, «Бритву» подарил.

– Да ну? – подивился «мутант». – Ту самую?

– Точно, – кивнул Копия. – Легендарный нож. Ничем не затупишь, даже кость ктулху перерубает.

Теперь я понял, почему Копия не настоял на детальном обыске при входе в штаб. Знал заранее, чем все закончится? Или предполагал?

Я понял того парня, который не захотел умирать возле мусорного контейнера. И, подойдя к бетонному забору, встал у стены, прикрыв спиной бурое пятно.

– Стреляй давай, – сказал я. – С трупа снимешь.

– Э нет, – покачал головой Копия. – К легендам Зоны мы имеем уважение. «Бритву» можно продать. Или подарить. Или в крайнем случае снять со случайно найденного тела, убитого не тобой. Тогда от нее новому хозяину будет одно сплошное уважение и подспорье. А вот отнять никак нельзя. Потому как «Бритва» отомстит. Подари, Снайпер, чего тебе стоит? Клянусь, шлепну так, что ничего не почувствуешь.

Я усмехнулся.

– Со связанными руками?

– А ты осторожно пальцами под рукав залезь и «Бритву» вытащи, – посоветовал Копия. – Для такого ножа шнур – что нитка.

Такая мысль приходила мне в голову, когда мы шли по коридору, но то ли случайно, то ли нарочно ствол «Винтореза» Копии пару раз ткнулся мне в ладони, словно давая понять, что дергаться не стоит. Теперь было понятно, что не случайно.

Руки мне Копия связал тоже с умыслом. Именно так, чтобы я мог достать нож и перерезать путы. Что ж, если есть возможность пожить еще пару минут, почему бы ее не использовать?

– А поближе подойти боишься? Как подарок-то забирать будешь?

Два ствола, готовые выплюнуть кусочки нагретого свинца, смотрели мне в грудь. Два пальца лежали на спусковых крючках. Две пары внимательных глаз смотрели за каждым моим движением, не реагируя на мою вялую попытку вывести их хозяев из равновесия. Шансов не было.

Обрезки шнура упали на землю.

– Теперь не торопясь поверни нож лезвием к себе и кидай подарок сюда, – сказал Копия, выделив голосом слово «подарок».

«Что ж, подарок так подарок, – подумал я, медленно отводя руку назад. – Только затем ли дарил мне его Странник, чтобы я через день дарил его кому-то другому?»

Мысль была такой же медленной и плавной, как и мое движение. Как дыхание, которое замедлилось у меня в груди. Как биение почти остановившегося сердца. Как почти синхронное опускание век, смачивающих слезной пленкой глазные яблоки «боргов», и одновременно на долю секунды прикрывающей их зрачки.

На очень долгую долю секунды...

Вполне достаточную для того, чтобы сместиться в сторону от пятна на заборе и бросить нож рукоятку вперед в точку, расположенную как раз между глазных яблок «мутанта». И метнуться следом за ним подобно ленте, привязанной к гайке, которая летит, пущенная рукой сталкера, в ворох молний, потрескивающий над серой лентой разбитой асфальтовой дороги.

Такой вот странный образ возник у меня перед глазами. А потом пошла смена кадров. «Мутант», заваливающийся на спину. Моя рука, подхватывающая падающий нож. Поворачивающийся в мою сторону ствол «Винтореза». И блеск клинка, рассекающего напополам мечту любого сталкера Зоны.

И взгляд Копии. Сначала на меня, а после – на две половинки своего снайперского комплекса, которые он все еще продолжал сжимать в руках, словно от этого части «Винтореза» могли срастись.

– Ох, ёпт... Ну ни хрена себе!!!

Из остатков снайперского комплекса на землю высыпались три маленьких кусочка металла.

А потом я увидел глаза Копии. И мне понравилось то, что я в них увидел.

Капитану «Борга» было все равно, двинется ли моя рука в обратном направлении, вскрывая ему брюшную стенку, или останется там, где находится сейчас. Копия откровенно любовался идеальным разрезом, располовинившим его оружие.

– А я думал, что это сказки про самурайский меч, которым япошка во время Второй мировой пулеметный ствол разрубил, – сказал Копия.

Я подобрал с земли укороченный АКС «мутанта» и вложил «Бритву» обратно в ножны. Из фразы Копии я понял только что-то про пулемет, остальное мне было пока недоступно.

– Разгрузку на землю, – сказал я, направляя автомат в живот капитана. – И не дергаться.

Копия улыбнулся, но перечить не стал. Разгрузка шлепнулась на землю, словно набитая икрой жирная жаба.

Продолжая держать Копию на прицеле, я подошел к лежавшему в отключке «мутанту», и с неожиданной для себя сноровкой обыскал его разгрузку, разжившись парой гранат, четырьмя снаряженными магазинами к автомату, стандартной армейской аптечкой, набором для выживания, наладонником и десятком высококалорийных белково-углеводных батончиков импортного производства.

– Ишь ты, запасливый хомяк, – хмыкнул Копия.

Похоже, ситуация здорово его веселила. Или нервировала. Или и то и другое вместе.

– Хотя ясно дело, что обычной армейской пайкой такую тушу не прокормишь. Очнется – надо будет поинтересоваться, на что и у кого он всё это выменял. Или прикупил, – добавил

капитан, увидев, как я достаю из кармана «мутанта» пачку цветной резаной бумаги с изображениями знакомой мне головы.

Сухая бумага могла подойти для растопки костра, поэтому ее я тоже сунул в карман своей куртки, где уже имелась стопка аналогичных бумажек. Потом соразмерил плечи «мутанта» со своими, и с сожалением отказался от мысли переодеться в его костюм – с такой маскировкой мой план имел бы гораздо больше шансов на успех.

– И как ты собрался отсюда сваливать, дружок? – участливо спросил Копия, забрасывая обрезки «Винтореза» в мусорный контейнер. – Через пять минут полковник обеспокоится отсутствием связи и придет тебе закономерный конец, упокой тебя Зона.

– А не боишься, что она быстрее тебя упокоит?

Прогресс был налицо – произносить слова становилось все легче и легче. Как и думать, кстати. Вот план созрел, например, как покинуть не в меру гостеприимную базу группировки «Борг». Дьявол его знает, удастся не удастся, но что-то делать всяко лучше, чем стоять у бетонной стенки, готовясь обновить плохо замытое пятно.

– Так все там будем рано или поздно, – пожал квадратными плечами Копия. – И какая разница, чуть раньше или чуть позже?

– Есть разница, – сказал я. – Мне к Директору надо.

Копия прищурился.

– К Директору? Тебе? А за каким хреном?

– Воля умирающего.

– Понятно.

Копия почесал небритый подбородок.

– Из-за этого тебя Павленко в расход списал?

Всё сходилось. Ведь именно после моих слов о Директоре на физиономии полковника появился тот же зловещий прищур, похожий на две амбразуры дота, что сейчас был на лице капитана. И приказ о моем расстреле прозвучал сразу после них же.

Я кивнул.

– Что ж, может, он и прав по-своему, – задумчиво протянул Копия. – Центр Зоны лучше не тревожить. Только по-моему все равно это неправильно, чтобы трёхнутого Зоной человека не разобравшись в расход пускать. Может, это у него просто глюк такой. Но глюк не глюк, а уважаю, – подвел итог своим раздумьям капитан. – За то, что цель у тебя есть. Конкретная. И настоящая. Чего нет у большинства здесь.

Он неопределенно кивнул в сторону стены пищеблока.

– Потому, думаю, что свезло тебе сегодня, парень, во второй раз. А на будущее запомни – «борговца» автоматом не напугать, и на мякине не провести. Ты не иначе решил, что сейчас меня за руль посадишь, а сам под «торпедой» с автоматом скукожишься и такой комбинацией мы через пост проедем?

Я удивился – Копия определенно умел читать мысли.

– В чем-то ты прав, а в чем-то – не очень. Например не учел ты, что на посту дежурный обязан в кабину заглядывать. Именно для предотвращения таких комбинаций. Потому придется тебе мне довериться. Вывезу я тебя в Зону, а там уж молись тому, кого помнишь. Или сам себе бога придумай – в Зоне порой придуманные сущности во плоти проявляются.

Наверно, на моем лице отразились сомнения, потому что Копия презрительно фыркнул.

– Не веришь? Слова «борговца» для тебя недостаточно?

Мне было недостаточно, но особо выбирать не приходилось. Тем более, что капитан достал из кармана свой наладонник, поднес его ко рту и буркнул в микрофон: «Задание выполнено, товарищ полковник».

– Если что, я гранаты взорву, – пообещал я, подбирая с земли разгрузку капитана и надевая ее на себя.

– Взорви, – разрешил Копия. – Но сначала давай-ка, помоги друга-товарища в контейнер закинуть. А то очнется, разорется раньше времени и всю мазу тебе испортит.

Я не успел оглянуться, как «друг-товарищ» был спеленут словно младенец таким же шнуром, каким был только что связан я, а во рту у него оказался специальный кляп, фиксируемый на затылке ремешком на «липучке».

Несколько удивленный таким поворотом событий, я, ухватив «мутанта» за ноги, помог капитану закинуть неподвижное тело в контейнер.

– Хорошо ты его приложил, – сказал Копия. – А теперь давай следом за ним полезай. И чтоб не звука. Начнет дергаться – разрешаю добавить. Только не убивай, а то потом «Борг» год за нами по всей Зоне гоняться будет, про артефакты позабывши...

От концентрированной вони, помноженной на тряску, я слегка прибалдел, но за чеку верхней гранаты на разгрузке капитана держался крепко, сконцентрировав на ней все внимание и твердо решив в случае чего одним движением руки разом решить все проблемы. Пожилой ГАЗон, пересчитав внутри базы «Борга» все выбоины и трещины разбитого асфальтового покрытия, остановился. Не иначе как на посту.

Минута... Вторая...

Я уже начал задыхаться. Когда мусоровоз еще ехал, струйка воздуха худо-бедно просачивалась под неплотно пригнанную крышку контейнера. Сейчас же и этого не было. Появилась мысль, что если еще минут пять машина не тронется с места, то проще будет взять автомат «мутанта» и застрелиться, благо он укороченный и для такого дела весьма удобный. Потому как смерть от помоечных ароматов – это совсем уже не дело для мужика, пусть даже с полупустыми мозгами.

Однако, машина тронулась и набрала скорость. Тряска усилилась. Выждав минут десять, я мощно пнул крышку снизу вверх – будь что будет – и вынырнул из контейнера как карась, случайно попавший в кучу дерьма.

Однако, пока что стреляться или рвать гранатную чеку надобности не было. ГАЗон несея по Зоне.

А следом за ним бежала стая громадных кабанов с налитыми кровью глазами.

Непонятно, кем представилась им грохочущая куча старого железа – то ли чудовищем, покусившимся на их территорию, то ли передвижной пороссячьей кухней, испускающей шлейф запахов, столь сладких для любой, пусть даже мутировавшей свиньи. Однако намерения тварей с вылезающими из пастей клыками длиной в мою ладонь были весьма очевидными. Также не оставляло сомнений, что в случае успешной погони меня, насквозь пропахшего отходами, ждет участь этих самых отходов.

Не в моих правилах стрелять в животину, которая просто бежит мимо по своим делам, не покушаясь на мясо, обросшее вокруг моих костей. Однако если это мясо вызывает в ней устойчивый гастрономический интерес, то извините, звери, но вы не оставляете мне выбора.

Первая граната легла немного позади стаи, наподдав задних кабанов взрывной волной и слегка хлестанув осколками по их филейным частям. Немедленно раздался истошный визг задних, и следом недовольный рев тех, кто несея в середине – кое-кому досталось клыками собратьев под хвост. Несколько кабанов, не разобравшись в чем дело, сцепились друг с другом, но ситуацию в мою пользу это не решило. Что такое стая в две сотни голов, от которой откололся десяток? Одним словом, перелёт. Получается, гранаты кидаю я не так хорошо, как стреляю. Или же практики давно не было.

Вторая граната легла точнее. Центр стаи посекло в фарш из радиоактивной свинины. Но каждая кабанья туша была для собратьев своеобразным мясным щитом весом под полтонны. В этих щитах и застряло большинство осколков, не причинив стае в целом существенного вреда. Твари были на редкость невосприимчивы к боли. Я заметил, что у одного кабана осколки

порвали артерию и выхлестнули глаз. Однако он продолжал нестись вперед не сбавляя скорости, словно ни в чем не бывало.

Третья граната. Четвертая. Пятая... Последняя.

Стая уменьшилась наполовину. За ней по дороге тянулся дымящийся кровавый след.

– Стреляй, твою мать!!!

Я обернулся на голос, перекрывший рев мотора. Как раз для того, чтобы увидеть, как в кабине скрывается коротко стриженный затылок Копии.

Рука автоматически поставила предохранитель автомата на одиночные. А в мозгу почти ошутимо заработала машина, выдающая в сознание сведения, о наличии которых я и не подозревал.

«Лоб мутировавшего чернобыльского кабана покатый. При малейшем отклонении линии выстрела в сторону возможен рикошет. Поэтому поражать рекомендуется либо глаза, либо суставы передних коленей при наличии достаточной огневой мощи».

Вряд ли тупорылый АКСу можно было считать достаточной огневой мощью. Тем не менее, я оторвал одну руку от борта контейнера и, пытаясь таким образом сохранить равновесие, стоя к тому же по колени в крайне нестабильной куче мусора, начал методично расстреливать тварей, чьи морды уже почти доставали задние колеса ГАЗона.

Да, я чувствовал пули, словно стрелял не свинцом, разогретым пороховыми газами, а управляемыми кусочками собственной плоти. Да, словно продолжение собственной руки ощущал я автомат, мало пригодный для прицельной стрельбы с раздолбанного грузовика, летящего вперед на предельной скорости. Но при всех этих составляющих, похоже, кабаны Зоны тоже каким-то образом чувствовали мои намерения, и от уже вылетевшей из ствола пули порой ухитрялись либо отклониться в сторону, либо принять ее тем самым пуленепробиваемым черепом, от которого свинцовые цилиндры отлетали, оставляя на башке твари глубокие рваные раны, тем не менее, не причинявшие кабану существенного вреда.

К тому же меня вдруг чем-то сильно долбануло по подколенному сухожилию. Я упал на одно колено и чуть не выронил автомат. Второй удар пришелся по внутренней стороне бедра.

Резко развернувшись всем корпусом, я вслепую махнул автоматом как дубиной, уже зная, куда и по чему попаду.

Ну конечно!

От тряски и вони пришел в себя связанный «мутант», который сейчас, извиваясь, словно гигантский червяк, пытался снова достать меня подошвами и носками своих армейских ботинок.

Удар горячим стволом пришелся ему в шею, схожую с шеей ближайшего кабана, преследующего грузовик. Та же колонна жилистого мяса с насаженной на нее тупой башкой, которой мой удар что пощечина. Только злости добавляет.

Злости у «борговца» и без того было немерено – на десятерых хватит. Как и дурной силы. Его лицо вдруг стало багровым, словно прокисшая свекла, на шее канатами вздулись вены, шнур, стягивающий его руки, глубоко врезался в мясо – и лопнул. Повинуясь инерции движения лапищи «мутанта» разлетелись в стороны, словно он собирался меня обнять, одна из них выбила из моих рук автомат...

И тут грузовик подбросило.

Возможно, это была аномалия. Возможно, просто выбоина дороги. А может быть какой-то не в меру мощный кабан все-таки смог догнать машину и поддеть ее снизу. Только это было уже неважно. Потому что я летел в «объятия» здоровенного «борговца», понимая, что через мгновение его нереально мощные руки легко и непринужденно свернут мне шею.

Единственное, что я смог сделать – это выбросить вперед кулак с согнутым в суставе указательным пальцем. Который и воткнулся в лицо лейтенанта чуть ниже мощной надбровной дуги.

У каждого есть свой болевой порог. У кого-то мелкий – порезал палец, и в обморок. У кого-то повыше – из такого жилы тяни, молчать будет. Из принципа или из вредности, что зачастую есть одно и то же. Но когда глазное яблоко вдавливают человеку в череп, тут на одной вредности не выедешь. Тут природа заставляет рычать от ярости, но запрокидывать голову назад. Потому что тех яблок только два, и третьего не будет.

Яблоко свое «борговец» спас, но и я в капкан из его рук не попал, а, оттолкнувшись от головы «мутанта», извернулся в воздухе и приземлился спиной на кучу мусора. Под лопатку больно ударило что-то острое – не иначе край консервной банки – но это было уже не особенно важно.

Не достав меня руками, лейтенант рванулся к автомату. Если бы у него не были связаны ноги, тут бы и была поставлена во всей этой истории жирная свинцовая точка. А так рывок с первого раза не удался. Немного, от силы на полметра. «Мутант» бросил на меня быстрый взгляд и нехорошо оскалился. Мне дергаться вообще не имело смысла – лейтенант лежал как раз между мной и автоматом. И чего мне стоило кувырнуться в другую сторону?

Эту мысль я додумывал уже в полете. Машину подбросило во второй раз, и я, не став дожидаться, пока «мутант» дотянется до автомата, перебросил свое тело через борт контейнера – будь что будет.

Но мой организм никоим образом не желал погибать под копытами кабаньей стаи, и сделал всё лучше, чем я мог предположить. Мои пальцы стальными клещами вцепились в борт контейнера, после чего меня с силой шмякнуло грудью о его железную стенку. Дыхание перехватило, но главное было сделано – между мной и «мутантом» теперь был металл толщиной миллиметра три. И десять секунд времени на то, чтобы найти другое, более оптимальное решение для спасения самого себя. Ибо через десять секунд лейтенант окончательно освободится от пут и обязательно проверит, куда это делся недостреленный смертник, чуть не лишивший его глаза. Или же бегущий сбоку от машины ближайший кабан подымет клыкастую башку, соображая, что это за пара аппетитно пахнущих ботинок болтается у него перед носом.

За пять секунд мне удалось встать носками на узкий край платформы, на которой стоял контейнер. А потом все произошло одновременно.

Словно со стороны увидел я кабана, поднимающего снизу страшную морду с налитыми кровью глазами, себя, цепляющегося за край вонючего контейнера... И перевешивающегося через этот край «борговца» с автоматом в руке.

Но стрелять лейтенант не собирался. Словно в замедленном фильме начал подниматься вверх огромный кулак, чтобы последующим резким движением размозжить мне пальцы. Много не надо. Один удар – и лишившись опоры я полечу навстречу желтым клыкам, залепанным коркой засохшей крови.

Много не надо. Один удар...

И, сам не зная, зачем я это делаю, я ударил. Со всей силы. Подошвой ботинка Странника по какой-то железной палке, торчащей из платформы возле кабины водителя.

В ту же секунду машину снова подбросило. Так же, как подбрасывало и до этого. Однако теперь ничем не удерживаемый контейнер рывком сдвинулся и со страшным скрипом поехал назад. И тут я понял – от отчаяния я треснул ногой по рычагу фиксатора, удерживающего контейнер на платформе мусоровоза.

Мне опять повезло. Огромное металлическое корыто не расплющило в ласты мои стопы, а поехало под углом, буквально затащив меня на платформу. Я вовремя отцепил пальцы от его края и увидел удаляющееся от меня растерянное лицо лейтенанта, мусорный контейнер, срывающийся с платформы и веретеном прокатившийся по кабаньей стае... И оставшуюся после него жуткую дорогу из раздавленного мяса и кабаньих костей.

А еще я увидел, как словно по команде остатки стаи синхронно сбавили скорость и бросились к рассыпанным по асфальту отходам. Я не видел, что стало с лейтенантом – да и не

хотел видеть. Мне было не до того. Сейчас надо было любой ценой удержаться на платформе грузовика, который Копия продолжал гнать, выжимая из мотора все, на что была способна старенькая машина, несущаяся по разбитой дороге.

* * *

– Вот уж никогда бы не подумал, что черновыльський кабан способен бежать вровень с машиной. Не, ну понятно, что надо было как-то аномалии и дырки в асфальте объезжать, чтоб колеса на дороге не оставить, но все равно – свиньи свиньями, а восемьдесят в час выдали к гадалке не ходи. По-новой что ли мутируют, твари?

– Эволюция, – снова зачем-то произнес я непонятное слово.

– Точно. Она самая, – сказал Копия. – И Дарвин при ней по Зоне шастает. С выжженными мозгами. Помаленьку эволюционирующий в терминатора. Ты от платформы-то отцепись и иди в ручье сполоснись. Я проверил, вода там нормальная. А то несет от тебя как из выгребной ямы, того и гляди кабаны по-новой сбегутся.

Я огляделся и действительно обнаружил себя лежащим на склизкой от пищевого жира платформе мусоровоза. Наверно, я на некоторое время потерял сознание. Во всяком случае, отрезок времени, когда Копия остановил машину и ходил по воду к ручью, начисто вывалился из моей памяти.

Слева черной стеной стоял лес, еще более мрачный на фоне заката. Справа раскинулось заросшее сорняками поле с останками насквозь проржавевшей сельхозтехники. Далеко впереди маячили уже плохо различимые в сумерках контуры одноэтажных и двухэтажных домов.

– В городок не пойдем, – сказал Копия. – Здесь заночуем.

– А в доме не лучше? – спросил я.

– Не лучше.

Копия смачно сплюнул. И пояснил:

– В такие поселки лучше без оружия не соваться. Многие твари, видимо, раньше были людьми, и людские привычки у них остались. Нечисть в Зоне по лесам редко шляется, ее все больше к жилью тянет. И вообще, без оружия в Зоне тоскливо.

Копия криво усмехнулся.

– Так что завтра будем думать, где нам стволы добывать. На завод больше ни тебе, ни мне хода нет. Да, может, оно и к лучшему. Не по душе мне эти новые законы «Борга». Так что до поры до времени обзываемся свободными сталкерами и начинаем работать на себя. Пока к группировке какой-нибудь не примкнем. Или свою не создадим. Видел я урывками, как ты в помойке воевал, уважаю. Ну что, пойдешь ко мне в напарники, Снайпер?

Я пожал плечами. Почему бы и нет?

– Вот и ладушки, – кивнул бывший капитан «Борга». – А теперь снимай-ка, напарник, мою разгрузку и бегом мыться, пока я с твоих ароматов армейским концентратом не блеванул.

В его разгрузке обнаружился кусок клубничного мыла из американского набора для выживания, как объяснил его хозяин. Что мне ровным счетом ничего не сказало. Но судя по тому, с каким многозначительным видом Копия это произнес, не иначе мыло помимо его прямого предназначения как минимум продлевало жизнь своему хозяину лет на десять-пятнадцать.

Не знаю, как насчет продления жизни, но мытье в ледяном ручье – пусть даже с пахучим американским мылом – вряд ли прибавило мне здоровья. Правда, вонять отходами и я, и моя одежда стали гораздо меньше. К разведенному Копией костру я вернулся стуча зубами словно крупнокалиберный пулемет. Тем не менее, капитан покрутил носом и счел необходимым выдать:

– Не пойму, чем от тебя больше пахнет – дерьмом или клубникой. Но все же лучше чем одним дерьмом...

А потом его взгляд остановился. Копия внимательно смотрел мне через плечо, и от этого взгляда у меня по спине побежали мурашки. И холод мокрой одежды, прилипшей к телу, был здесь абсолютно ни при чем.

Отражение стремительнодвигающейся фигуры я увидел в глазах Копии.

Дальше время замедлилось...

Оборачиваться было некогда. Тем более, что отражения вполне хватило для того, чтобы понять, кто ко мне приближается со спины. Именно такую тварь давил «борговец» на плакате, установленном на плацу. И именно в череп ее сородича пихал окурки полковник Павленко.

Я упал влево, переворачиваясь в воздухе и пытаясь одновременно выдернуть «Бритву» из рукава куртки. И уже падая понял, что не успеваю. Как назло, мокрая материя прилипла к телу, и рукоять ножа запуталась в ней...

В памяти всплыло как всегда ниоткуда – в последние мгновения жизни человек вспоминает всю свою прошлую жизнь. Моя не вспомнилась. Потому оставалось лишь остро переживать последние кадры этих самых последних мгновений – когтистые лапы, тянущиеся к моему лицу, белые, ничего не выражающие глаза без зрачков, и пасть, раззявленную на манер раскрытой двенадцатипалой пятерни, где вместо пальцев были красные отростки с подрагивающими коричневыми присосками.

А потом сзади полыхнуло огнем, и я увидел, как верхняя половина черепа твари взрывается ошметками мяса и осколками костей, обнажая абсолютную черноту ссохшегося, сморщенного мозгового вещества.

Потом был удар правым плечом о землю, и грязная трехпалая нога с набухшими, подрагивающими сухожилиями перед моим лицом. По которым я и резанул со всей силы «Бритвой», которую мне наконец-то удалось освободить из плена мокрой одежды.

Я почувствовал, как нож рассек вязкую плоть и тяжело прошел через кость.

«Резать шеи зомби было не в пример легче...» – промелькнула в голове мысль.

Живучая тварь не собиралась останавливаться и, возможно, следующее ее движение было бы для меня последним. Но ее практически перерубленная нога подвернулась и ночной монстр, испустив жуткий вопль, грохнулся раскрытой головой в костер.

Однако, и это было не всё.

Оттолкнувшись от раскаленных углей передними лапами, тварь выпрыгнула из костра – и внезапно свернулась в клубок. Мне показалось, что она пытается зажать лапой рану, из которой хлестала темная кровь, но я ошибся. Монстр ухватил свою стопу, болтающуюся на лоскуте кожи, оторвал ее, швырнул мне в лицо и, рывком вскочив на ноги... вдруг начал пропадать, словно растворяясь в стремительно сгущающихся сумерках. Еще мгновение – и тварь стала бы полностью невидимой.

Но тут рядом с ней словно из ниоткуда выросла фигура Копии. Мне показалось, что бывший «борговец» протянул к голове монстра указательные пальцы обеих рук, из которых неожиданно вырвалось пламя.

Огненные струи довершили начатое. Я видел, как черный мозг монстра вылетел из черепной коробки, словно протухший «завтрак туриста» из консервной банки. После чего Копия просто мощно ударил тварь ногой в грудь.

Монстр пошатнулся – и завалился на спину. По его телу пробежали маленькие молнии, сотрясая его в агонии. Потом оно перестало мерцать на границе между невидимостью и явью, и стало просто горой красноватого мертвого мяса.

– Порядок, – сказал Копия. – Ты жив?

– Да, – ответил я.

– Удивительно, – нервно хмыкнул Копия. – Вдвоем и считай без оружия мы только что завалили ктулху, и при этом оба живы. Кому расскажи – скажут, очередные сталкерские байки.

– Ну, не совсем без оружия, – сказал я, вытирая «Бритву» о жухлую траву. – Только я не понял, откуда ты достал... это.

Я кивнул на пару сдвоенных трубок, которые Копия продолжал рефлекторно сжимать в ладонях.

– А, это... Это я достал из рукавов. На резинках изнутри одежды крепится, рекомендую. Тряхнул руками – и получи дополнительных четыре выстрела.

«Вот тебе и разоружил...» – подумал я.

Копия словно прочитал мои мысли.

– Впредь, когда будешь разоружать «борговца», заставь его раздеться и остаться в чем мать родила. И то не гарантия, что он себе никуда запасной ствол или гранату не засунул.

Копия еще раз хмыкнул. В бою он действовал четко и хладнокровно, а сейчас, видимо, наступила реакция.

– Не пойму, везет нам или нет, – сказал он. – Третье нападение монстров за сутки. Это у них после выброса гон бывает, а сейчас-то с какой радости такие подарки? И если бы не ты, хрен его знает, чем бы все закончилось во всех трех случаях.

Я не знал, что на это ответить, и потому промолчал. При этом подумав, что когда человека слегка трясет после боя, ему лучше поговорить, чтобы отвлечься. Правда, собеседник из меня неважный. Но Копии ответов и не требовалось.

Он извлек из кармана портативную аптечку.

– Дай-ка намажу тебе морду зеленкой.

– Для чего? – не понял я.

– Для маскировки, – снова хмыкнул Копия. – Чтоб слился с природой.

Я помотал головой, ничего не понимая. Зачем мне ночью маскировка?

– Тебе ктулху своим педикюром портрет слегка подпортил. Надо продезинфицировать где кровит, а то хрен его знает, где он лазил. Еще заразу какую подхватишь.

Только сейчас я заметил, как саднит щека, и провел по ней пальцами. И вправду, лицо пересекли две глубокие царапины, влажные от крови.

– Да не лапай ты харю, чучело! – возмутился бывший «борговец». – Говорю же, рожа располосована, не хватало еще чтобы ты сам себе столбняк занес.

С медициной у Копии было все просто. Сняв колпак с зеленого карандаша, он несколькими широкими мазками закрасил ущерб, причиненный мутантом.

– Сойдет, – сказал он, защелкивая аптечку и оценивая результаты своего художества. – Бодиарт от экс-борговца и приبلудного ктулху, прям хоть сейчас на выставку. Кстати, насчет ктулху.

Копия подошел к труп твари и внимательно его осмотрел.

– Подросток, – сказал он. – Наверно, первая самостоятельная охота. И не иначе где-то рядом учитель или папаша ошивается. Поэтому отрежь-ка у него то, что от головы осталось, а я пока шест вырежу. И не забудь руки тряпками обмотать, а то с желез слизь на кожу попадет и разъест на фиг.

И, щелкнув швейцарским складным ножом, ушел в темноту.

Не скажу, что задание доставило мне массу удовольствия. Но мысль о том, что из ктулху может получиться зомби, добавила мне энтузиазма. Большую тряпку я вырезал из пустой разгрузки Копии и, замотав в нее остатки головы монстра, перепилил «Бритвой» толстую шею, состоящую из переплетений тугих мышц.

Копия вернулся с заостренной с обеих сторон метровой палкой, и воткнул ее возле почти погасшего костра.

– Отпилил? Молодец. Давай сюда.

Он забрал у меня подобие мешка, после чего, удерживая голову ктулху через тряпку, резко насадил ее на кол.

– Это чтобы он в зомби не превратился? – спросил я.

Копия покачал головой.

– Мутанты не превращаются в зомби, – сказал он, проверяя, крепко ли сидит на колу половина головы ктулху. – Это участь мертвецов, умерших в аномалии «Роженица», либо живых людей, которых захватил псионик. А это, – он кивнул на череп, – один из феноменов Зоны. Если ты убил гуманоидного мутанта и насадил его голову на кол у костра, то к этому костру в течение суток ни один другой мутант не подойдет. Такая вот волшебная комбинация – башка плюс огонь. Возьми себе на заметку, пригодится. В Зоне много таких необъяснимых феноменов.

– А что такое гуманоидный мутант? – спросил я.

– Тварь, которая когда-то была человеком, – мрачно ответил Копия, палкой поправляя костер, разбросанный ктулху. – Еще бывают негуманоидные, типа безглазых псов или сегоднешних кабанов. Ну, понятно, еще есть тут у нас аномалии и их порождения – артефакты. Что такое аномалия, на самом деле не знает никто. Иногда они ведут себя как живые. Да что я тут распинаясь?

Копия расстегнул клапан кармана и достал портативный компьютер.

– Держи наладонник, – сказал он, протягивая мне прибор, действительно не превышающий размером моей ладони. – КПК серии «Z». Последняя разработка. Само собой Wi-Fi, Bluetooth, GPS и куча других прибабасов, которые в Зоне работают от случая к случаю, когда работают – глючат, а чаще вообще не работают. Но тебе это пока до лампочки. Там встроенная энциклопедия Зоны есть. Если сталкеры что-то новое заметят или на своей шкуре испытают, вносят в общую базу данных, чтоб новичкам легче в Зоне жилось, и старикам на чужие грабли меньше наступалось. Сиди, изучай. Первая половина ночи твоя, она самая легкая. Как на наладоннике два ноль-ноль высветится, меня разбудишь, я дежурить буду. Так что времени тебе на ликбез четыре часа. Вопросы есть?

Я покачал головой. Если Копия не врал, его машинка должна была без него ответить на все мои вопросы.

– Ну и ладушки, – сказал бывший «борговец», укладываясь спиной к костру. Однако напоследок он обернулся:

– Забыл спросить, а ты читать-то умеешь? Букварь из башки не стерся?

Я кивнул. С чтением, в отличие от остального, было все в порядке.

– Надо же, – сказал Копия. – Мозги гладкие как у динозавра, а боец хоть куда. С такими данными хоть сейчас в армейский спецназ. Или в бандиты. Что, в общем-то, одно и то же. Но это, как говорится, Зона сама рассудит, кто отмычка, кто шакал, а кто легенда Зоны. Ну что ж, удачного чтива, Снайпер.

И мгновенно заснул.

– А что такое «отмычка», «шакал» и «легенда Зоны»?

Мой вопрос потонул в ночи. Копия спал, не отвлекаясь на мелочи, как, наверно, умеют спать только истинные ветераны Зоны. Мне еще предстояло этому научиться. Как и многому другому.

Глава вторая

Закон свободы

*Свобода – это осознанная необходимость.
Спиноза (Плакат над входом на территорию базы группировки
«Воля»)*

Тихо шумел ночной лес. Невдалеке потрескивала аномалия, называемая, как я знал теперь, «электродом». Где-то рядом бродил ктулху, подвывая и не решаясь подойти к костру. То ли учитель, то ли папа незадачливого ночного охотника, развороченный череп которого торчал на шесте возле костра... Или это был не ктулху. Оказывается, много кто мог в Зоне бродить ночью вокруг сталкерского ночлега, облизываясь от запаха свежего, и пока еще живого человеческого мяса.

Я листал «Энциклопедию Зоны», прокручивая джойстиком страницу за страницей. И на каждой из них было слишком много человеческой крови, заплаченной за опыт познания. От начала кошмара, случившегося в конце прошлого века, и до сегодняшнего дня. Когда черное пятно на теле планеты достигло размеров небольшого государства. В котором группировки людей с облученными мозгами боролись за призрачную власть над тем, причины чего до сих пор оставались невыясненными.

«В результате необъяснимых последствий аварии на черновыльской АЭС объект «Укрытие» начал генерировать выбросы неведомого излучения. По предположениям ученых, это вызвало аномально быстрые неуправляемые мутации как среди людей, так и среди животных, находящихся на территории Зоны отчуждения. Предполагается, что к мутациям также имеет отношение и повышенный радиационный фон.

Предположений о природе этого излучения высказывалось множество, начиная от вполне научных догадок, и заканчивая фантастическими домыслами. Тем не менее, до сих пор причины мутаций среди животных и людей, а также возникновения аномалий и порождаемых ими артефактов, остаются до конца не выясненными.

Неоднократные попытки проникновения в центр Зоны организованных научных групп в сопровождении войск Объединенных сил независимых государств и НАТО приводят лишь к уничтожению этих групп, либо к их необъяснимому исчезновению. Компьютерная модель ядерной бомбардировки объекта «Укрытие», также называемого «Саркофагом» и расположенного в условном центре аномальной Зоны, с вероятностью 97 % предполагает не уничтожение, а лишь резкое расширение границ Зоны отчуждения».

Странно, но я понимал все, что было написано. Незнакомые слова в связке со знакомыми предложениями обретали смысл, словно я не узнавал новое, а вспоминал давно забытое. Мне казалось, что все это уже было – ночь, костер, и молодой сталкер-новичок, листающий только что купленный КПК в поисках новых сведений о странном и страшном мире Зоны.

Я бегло просмотрел главу «Мутанты», пробежался по «Артефактам» и «Аномалиям», и немного задержался на «Оружии и снаряжении», в котором сталкеру настоятельно рекомендовалось при кратковременных походах в Зону иметь с собой месячный рацион в тубиках и концентратах, медицинский набор на все случаи жизни (а лучше три), защитный костюм, смахивающий на батискаф, и от трех стволов огнестрельного оружия различной мощности с усиленным комплектом по возможности взаимозаменяемых патронов.

Я усмехнулся. Из вышеперечисленного у меня имелся:

- батончик белково-углеводный один,
- зеленка на лице,
- дырявая куртка, доставшаяся от Странника по наследству,

– три магазина для автомата Калашникова (без автомата)
– и нож, на который уже впору было молиться – столько раз он успел выручить меня за последнее время в казалось бы безвыходных ситуациях.

Однако нож ножом, но стоило всерьез озаботиться поиском того, что рекомендовала энциклопедия. Пусть хотя бы по минимуму для начала. Проснется Копия, надо будет с ним потолковать насчет планов на будущее. Выживать – оно всяко сподручнее на пару, как показала последняя схватка с ктулху. Да и опыта у бывшего «борговца» побольше будет, чем у меня.

Спать хотелось неимоверно. Глаза слипались, хоть сучки в них вставляй. Но как-то не хотелось быть съеденным во сне приبلудным кабаном или безглазым псом, потому как не особо верилось мне, что новая заготовка для пепельницы, насаженная на палку, сможет защитить меня от голодных тварей, шляющихся в темноте. Потому приходилось заставлять себя разбирать крошечные буквы на экране КПК, пока они не стали сливаться в сплошные черные линии.

Читать дальше стало невозможно. Несколько раз я сильно сжимал веки, после чего широко открывал глаза так, что выйди кто из людей к нашему костру, глянул бы и подумал, что не иначе на ненормального компьютерщика нарвался. Морда в зеленке, в руках наладонник, и глаза бешеные навывате. Жуть да и только.

Усмехнувшись про себя, я предпринял более кардинальные меры – закрыл глаза, пару минут помассировал веки, после чего энергично проморгался и, восстановив фокусировку, снова принялся за поиски интересной информации. Однако ничего стоящего больше в наладоннике не нашлось. От нечего делать я сунулся в раздел «Игры», но мне показалось скучным в образе мохнатой обезьяны лупить битой доброго с виду пингвина, пытаюсь зашвырнуть его подальше, или пытаться попасть палкой в комбинацию из пяти чурок, называемых странным словом «городки».

В папке «Порно» и вовсе не было ничего интересного. Разве что, прокрутив несколько текстов и коротких фильмов, я разобрался с тем, что люди делятся на два вида. Причем, судя по текстам и фильмам, мужчины, встретив женщину, тут же начинают ее «трахать». «Траханье» на первый взгляд показалось мне действием неаппетитным, для мужчин утомительным, а для женщин болезненным, хотя тексты утверждали обратное. Но поскольку в Зоне пока что существ, похожих на героинь папки «Порно», я не встречал, проверить, как оно обстоит на самом деле, не представлялось возможным. Поэтому решение этого вопроса я отложил до лучших времен.

Наконец я с облегчением разглядел зеленые цифры в углу экрана «2:00», мучительно вспомнил настоящее прозвище Копии, и позвал:

– Слышь, это... Кобзарь. Подъем. Два ноль-ноль уже.

Копия не шевелился.

«Крепко, видать, замотался мужик», – подумал я. И, протянув руку, слегка толкнул его в плечо.

– Капитан...

Тело бывшего капитана «Борга» покачнулось и завалилось лицом в траву.

Я медленно поднялся со своего места, еще ничего не понимая.

Подошел, потрогал место на шее, где согласно только что внимательно прочитанной главе «Медицина» должен был биться пульс... Уже понимая, что это бесполезно.

Пульса не было. Кожа Копии была холодной словно лед.

«Иногда здоровые и полные сил сталкеры умирают около костров без видимой причины. Это еще один из необъяснимых феноменов Зоны».

Короткая строчка из КПК, на которую я не обратил внимания, всплыла в памяти. Еще один необъяснимый феномен... Пришлось снова заглянуть в наладонник и прочитать информацию более внимательно.

«Тело такого мертвеца безопасно. В зомби не превращается, псионик не может им управлять. Не разлагается и не представляет интереса в качестве пищи для мутантов. Практически не имеет собственного веса. Неодушевленные предметы, находящиеся с ним в непосредственном контакте, также теряют вес. Вследствие чего в экстренных случаях данный труп может быть использован в качестве контейнера для переноски тяжестей. Однако в силу моральных причин подобное использование мертвых тел не одобряется членами практически всех группировок, вследствие чего данный феномен не может быть отнесен к артефактам, имеющим материальную ценность. Горюч. Рекомендуемая утилизация – сожжение».

Сон как рукой сняло. Вдоль моего позвоночника пробежал неприятный холодок, и очень захотелось оглянуться. «Наверно, это и есть страх», – подумал я, и ощущение мне не понравилось. Даже если кто-то или что-то, отнявшее жизнь у капитана, смотрит сейчас на меня из темноты – пусть смотрит. Какой смысл бояться взгляда, который умеет убивать так быстро и легко? И вообще, какой смысл бояться неизбежного, если все по-любому рано или поздно умирают?

– Спасибо тебе за всё, Тарас Кобзарь, – сказал я. Потом вытащил нож и шагнул в темноту. Мне нужно было много топлива для кремации. И мне было всё равно, кто ждет меня в темноте.

Хворост я набрал довольно быстро – благо в лесу было навалом мертвых, скрюченных, ссохшихся деревьев с отвалившимися от них ветвями. А отблеска костра вполне хватило, чтобы набросать приличную кучу сушняка.

Я нагнулся и попытался приподнять тело Копии. «Энциклопедия» не врала – оно действительно было абсолютно невесомым. Положив мертвеца на хворост, я зачем-то скрестил ему руки на груди. При этом из рукава трупа вывалился маленький пистолет, похоже, сделанный каким-то умельцем из обрезка ствола двустволки. Мне стало любопытно, и я пальцем подцепил оружие. Невероятно! Палец не ощутил никакого сопротивления, мне показалось, что я подцепил воздух, а не вороненый металл, тускло отражающий блики костра.

– Я только твой КПК возьму, ладно? – сказал я мертвецу, так непохожему на обычный труп. После чего вернулся к костру, взял тлеющую головню и поднес ее к хворосту.

Бесполезно. Я думал, что сухие ветви должны были заняться не хуже пороха, но, видимо, тлеющей головни было мало. Нужен был открытый огонь.

Вздохнув, я оставил попытки поджечь погребальный костер, и занялся костром, который развел Копия, когда был еще жив.

Но с костром тоже были проблемы. Отправившись за сушняком, я забыл подбросить в него топлива, и сейчас костер был на последнем издыхании. Подпитка сухими ветками не принесла ожидаемого результата. Раздувание подернувшихся пеплом углей – тоже. И тогда я вспомнил про бумажки.

Их у меня был полный карман. Я достал одну, приложил к тлеющему угольку и принялся дуть изо всех сил. И, конечно, пепел тут же запорошил мне глаза. Потому я и не увидел того, чей глухой голос раздался сверху:

– Нехило живешь, бродяга. Баблом костер разводить – это сильно.

Я зажмурился, утер рукавом черные от пепла слезы, после чего поднял голову.

Мне в лицо смотрел автоматный ствол. Привычная, в общем-то, за последнее время картина. Потому я и не удивился. Проморгавшись, я снова склонился над костром. Ствол стволом, а дело делом.

Бумажка занялась было, но налетевший порыв ветра задул огонь.

– Слышь, убери череп.

Сперва я подумал, что хозяин ствола имеет в виду наш с копией трофей, насаженный на шест, и собирался проигнорировать приказ. Но, увидев краем глаза, что на месте ствола нарисовалась зеленая бутылка с надписью «Спирт питьевой», понял, что ночной гость имеет в виду мою голову, и отодвинулся от костра.

Незнакомец плеснул на угли прозрачной жидкости, полюбовался на взметнувшееся пламя, после чего убрал бутылку в рюкзак и вновь направил на меня автомат.

Лицо незнакомца было скрыто резиновой маской, дыхательный шланг которой терялся в недрах темно-зеленого защитного костюма, снабженного вшитыми броневыми накладками.

– Ты «борговец»?

Я помотал головой.

– Вижу. На всякий случай спросил. А чего с ними шатаешься?

Маска шевельнулась в сторону трупа Копии.

– Так получилось, – сказал я, вытаскивая из костра занявшуюся ветку. После чего отнес ее к куче хвороста, на которой лежал труп, и поджег ее на этот раз удачно. Пламя нехотя разгорелось.

– Это ты зря тут погребальными кострами для «борговцев» развлекаешься, – сообщил «зеленый». – Того и гляди какая нечисть на огонек припрется. Не мутанты, так люди.

– Он тоже был человек, – сказал я.

– «Борговцы» людьми не бывают, – отрезал «зеленый». – «Борг» – это как дерьмо. Вступить легко, а отмыться потом невозможно. Вонь все равно останется.

– Этот был человек. Про других не знаю, – повторил я. И добавил: – Ты ствол-то убери, если стрелять не хочешь.

– А я еще не решил, стрелять или нет, – проворчал незнакомец, но автомат все-таки закинул за спину. – К костру пустишь?

– Садись, – пожал я плечами. – Не жалко.

Незнакомец вытащил из рюкзака обрезок затертого туристического коврика, положил на землю и, усевшись на него, протянул руки к огню.

– Это чтоб простатит не подхватить, – пояснил он, перехватив мой взгляд. – Ты что ли ктулху завалил?

– Мы вместе с ним, – сказал я, кивнув в сторону второго костра. Пламя уже достигло мертвого тела – и вдруг взметнулось кверху, словно труп был насквозь пропитан питьевым спиртом «зеленого».

– Я ж говорил, что не надо было специальный костер городить, – произнес «зеленый», доставая из рюкзака хлеб, колбасу, консервы и знакомую бутылку. – «Рюкзаки» горят не хуже бензина, только спичку поднеси.

– Кто?

– Умершие у костров, – пояснил «зеленый», стаскивая с лица маску. – Ты, кстати, зря в наших местах без оружия и костюма шляешься, да еще по ночам. Тут помимо ктулху разной гадости навалом. Тот же «жгучий пух» в морду сыпанет – не обрадуешься, ни говоря уж об остальных прелестях. Ты давно в Зоне?

– Нет.

– Оно и видно, – хмыкнул «зеленый». – Бабками костер разводить это только новичок или блаженный додуматься может.

– Я они и есть, – сказал я.

– Кто? – не понял «зеленый».

– И то, и другое.

«Зеленый» недоверчиво посмотрел на меня. У него было бледное скуластое лицо, короткая рыжая борода и глаза под цвет его костюма.

– Не, – сказал он. – Бреешь. Ни блаженный, ни новичок ктулху завалить не могут. А уж тем более без оружия. Поэтому ты что-то третье. Расскажешь как было?

Я рассказал как умел.

– Круто! – восхитился «зеленый». – Вдвоем ктулху и реально без оружия!

Я попытался возразить, но «зеленый» отмахнулся.

– Две пукалки и нож против такой твари не оружие. Его из «калаша»-то полным магазином не всегда остановишь. Кстати, погоняло у тебя есть?

Я непонимающе уставился на него.

– Ну прозвище, кликуха.

– Снайпером люди звали.

– А я Колян, погоняло Метла, – сказал «зеленый», протягивая мне кусок колбасы с хлебом. – Жрать хочешь?

– Хочу.

– Ну и вперед.

Из своего бездонного рюкзака Метла вытащил два металлических кругляка и синхронно их встряхнул. Кругляки превратились в стаканы, куда Колян нацедил немного спирта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.